

В О Е Н Н Ы Й Б Е С Т С Е Л Л Е Р

«АЛЬФА»

ЭЛИТНЫЕ

СПЕЦЫ

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Группа «Альфа». Основано на реальных событиях

Сергей Самаров

ЭЛИТНЫЕ СПЕЦЫ

«Автор»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Элитные спецы / С. В. Самаров — «Автор», 2021 — (Группа «Альфа». Основано на реальных событиях)

ISBN 978-5-04-155100-1

Спецназ ГРУ, легендарная «Альфа», Интерпол, спецназ США и Великобритании — все они участвуют в масштабных антитеррористических учениях, которые проходят в закрытом прежде городе Столбове. Здесь находится лакомый для террористов объект — ядерный центр. Итак, «синие» против «зеленых»... Но есть еще и третья сила — настоящие террористы и тоже вполне интернациональная команда, состоящая из опытных, готовых на все боевиков. Им, как это ни странно, эти учения на руку: они считают, что так легче затеряться среди элитных спецов, легче преподнести неприятные сюрпризы. А их у террористов немало — от фугасов в стене ядерного центра до аквалангистов, от своего человека у реактора до группы «паломников», прибывших поклониться святыням Столбова. А тут еще и криминал города зашевелился. Словом, работай, спецназ! Учения — учениями, а схватка, похоже, будет нешуточной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155100-1

© Самаров С. В., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть I. Начало зимы	13
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Самаров

Элитные спецы

© Самаров С. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

1

В центре «Банановой авеню»¹, расположенной в юго-восточных, беспокойных кварталах курортного Майами, улицы, где ветер всегда дует с моря и ворошит горы неубранного мусора, первый этаж двухэтажного дома занимает небольшой и даже в самый солнечный день полутемный и прохладный бар «Торнадо-Кри». «Торнадо-Кри» точно так же, как и сам хозяин заведения, пользуется дурной славой. Только за последний год здесь трижды стреляли, и каждый раз в результате перестрелки полиция увозила по паре трупов, которые никто, естественно, не мог опознать. Раненые, как обычно бывает в таких заведениях – а без раненых вообще не обходится ни одна перестрелка, куда-то загадочно исчезали и к официальным врачам не обращались. Хозяин только сердито разводил руками и жаловался полиции, что бандитов в районе развелось слишком много. Но завсегдаи знали, что сам он держит под стойкой пистолет-пулемет и во всех трех заварушках выступал чуть ли не инициатором. Но жить хочется всем, и такие сведения ни один из завсегдаеи бара сообщить полиции не желает. Давно известно, что на каждого доносчика найдется куча других, которые донесут уже не в полицию, а это гораздо страшнее...

Аугусто Барерра, хозяин заведения, в прошлом профессиональный боксер, не снискавший славы на ринге, слывет человеком решительным и не любящим компромиссов. Более того, поговаривают, что он постоянно идет на конфликты, не считаясь ни с чем, – пороховая бочка, одним словом, а не хозяин бара, и спиртное, которое он потребляет в неестественных количествах, внешне оставаясь трезвым, основательно помогает воспламенению его души. Но мало ли что говорят о человеке, когда его не очень любят и побаиваются...

Осенним утром, когда бар только открылся и хозяин еще не успел протереть, как обычно, все стаканы, но уже занял место за стойкой, чтобы приступить к этому занятию, в «Торнадо-Кри» заходят трое посетителей. Барерре сразу не нравится, что это не привычные в здешних местах латиносы, то есть выходцы из латиноязычных стран Центральной и Южной Америки, и даже не негры, которых везде полно, а в Майами особенно. Он даже затрудняется сразу сообразить, что за посетители, разговаривая между собой на неизвестном языке, занимают места на высоких табуретах. Нехорошая, по мнению Барерры, примета – первые посетители – из чужих, тем более неприятно трезвых. Это обещает не менее неприятные новости в течение дня, а хозяин бара, как всякий латинос, суверен. И потому спрашивает недовольным, хриплым с утра, после традиционного вечернего возлияния, голосом:

– Что будете пить?

Они сначала молча рассматривают его. Невежливо молчать, когда тебя спрашивают, и Барерре это тоже не нравится. Он начинает слегка «закипать».

– Сеньор Барерра? – наконец спрашивает старший из посетителей и снимает шляпу, чтобы положить ее на соседний свободный табурет и продемонстрировать свою идеально выбритую лысину. Лысина светится даже в полумраке бара, словно настоятельно просит, чтобы на нее сначала плюнули, а потом накрыли сверху плевком не шляпой, а бутылкой. Но посетитель сидит на высоком табурете, а Барерра не слишком высок, чтобы дотянуться и плюнуть точно в цель. И только по этой причине он сдерживается, хотя руку на бутылку все-таки кладет.

¹ «Банановая авеню» – жаргонное название улицы в Майами, городе в штате Флорида, США. Название улица получила потому, что на ней большей частью живут выходцы из так называемых «банановых республик» Центральной Америки – латиносы, кубинские эмигранты.

– Чего пить будете, спрашиваю... – рывкает он повторно, слегка наклоняет голову и приподнимает брови – привычка боксера смотреть исподлобья.

– Нам нужен сеньор Аугусто Барерра... – миролюбиво говорит лысый. – А пить... Апельсиновый сок со льдом, если можно...

Здесь не принято разговаривать так вежливо – это раздражает.

– Нельзя! – оттого-то и злится Барерра, уже принимая решение устроить взбучку этим плюгавым интеллигентам, если только они совершат еще хотя бы один шаг навстречу его настроению. – Сок таким скотам только на улице продают... Я – Барерра... Я – здесь хозяин... Мотайте отсюда... И не морочьте мне с утра голову...

– Я же говорил, что он хам и отъявленный негодяй... – говорит крайний справа посетитель, самый молодой. На хорошем английском говорит, чтобы и Барерра понял, а вовсе не на том странном языке, на котором все они вначале разговаривали между собой.

С Бареррой никто в его баре так себя не ведет, считая это просто опасным. На него, конечно, тоже могут иногда повысить голос, когда основательно подопьют, но не раньше. А это – прямой вызов. Вызов хозяин «Торнадо-Кри» всегда принимает с охотой...

Рука боксера-профессионала начинает работать раньше, чем Барерра соображает, как ему себя вести и что такое сказать, чтобы это выглядело по-настоящему красиво – все латиносы любят красиво и цветисто выражаться. Кулак резко летит через стойку, чтобы в последней, самой опасной фазе траектории своего движения сжаться и столкнуться с челюстью посетителя. Классический прямой удар... Но вместо челюсти кулак натывается на раскрытую ладонь, выдвинутую вперед. И основание ладони бьет по средним суставам еще не сжатых пальцев. Барерра буквально ревет от боли по-бычьей. Он лучше других понимает, что у него в результате столкновения уже разорваны связки на четырех пальцах правой руки. Когда-то в молодости такое уже с ним бывало. И тогда рука оставалась нерабочей в течение трех месяцев. Но сейчас Барерру беспокоит не это. Он выдает в мир длинную и цветистую тираду ругательств, а вторую, пока еще целую руку, сует под стойку, чтобы достать пистолет-пулемет «узи». Одновременно поднимает глаза и вдруг видит, что в голову ему смотрят черными безжалостными отверстиями три пистолета с глушителями – один в лоб, два – чуть ниже, на случай, если он успеет присесть перед выстрелом. И все это синхронно, быстро, четко, без суеты и лишних слов, столь милых латиноамериканской сущности Барерры.

Три поднятых ствола – аргумент достаточно веский, чтобы выпустить не поднятое еще оружие из уже обхвативших рукоять непослушных пальцев.

Но стволом его напугать трудно. Барерра усмехается:

– Ваша пока взяла... Но запомните, я не из тех, кто постесняется выстрелить в спину...

И потому – берегитесь...

– Мы побережемся... – отвечает лысый. – Мы люди осторожные и свою жизнь бережем во славу Аллаха...

– Что вам надо?

– Нам нужна Марихуана Андреевна... – лысый с трудом произносит это имя. Впрочем, Барерра сам это имя произносит с трудом, но ему нравится его произносить.

– Шлюха?... Можно было бы просто спросить... И не ломать людям пальцы...

Барерра трет пальцами левой руки пальцы правой и морщится – больно. И долго еще будет больно, знает он...

– Где она?

– В это время она еще спит...

Барерра держит у себя трех шлюх, обслуживающих его клиентов, и сдает им комнаты. Он не считает себя профессиональным сутенером... Нет, он им тоже дает возможность немного заработать, в отличие от уличных сутенеров, обирающих своих шлюх полностью. Но состояние они и здесь себе не сколотят...

– Где она? – голос посетителя звучит настойчивее, с легкой угрозой.

– Второй этаж, по коридору налево... Предпоследняя дверь... – рывкает Барерра и оборачивается на темный угол зала, где расположены три двери.

Двое из троих ранних посетителей идут к лестнице. Правильно идут, знают, за какой дверью лестница – это Барерра отмечает сразу. Значит, кто-то их навел. Но не из самого близкого окружения, потому что иначе они не спрашивали бы, как найти комнату этой русской лярвы. Третий, молодой, задерживается, не убирая пистолет, и с укором качает головой.

– Не надо вам было хамить уважаемым людям... И спасибо за предупреждение... Я самый осторожный из нас троих, очень осторожный, и потому поберегусь...

Барерра не слышит выстрела, он только по глазам понимает, что молодой посетитель нажимает спусковой крючок. Пуля пробивает голову Барерры навывлет и разбивает бутылки в стойке и зеркало...

– Это к несчастью... – говорит молодой посетитель, прячет пистолет под полу пиджака, но не убирает в подмышечную кобуру. Он и в самом деле осторожный...

* * *

Коридор короткий и грязный, с оборванными обоями, висящими ключьями.

Лысый, так и не забравший свою шляпу с табурета, мимоходом обрывает со стены один лоскут обоев, нюхает и брезгливо протирает после этого пальцы, словно раздавил клопа.

Найти нужную дверь легко. Посетители останавливаются перед ней, и спутник лысого толкает ее, убеждается, что дверь закрыта, отступает к противоположной стене и с короткого шага бьет каблуком в замок. Хлипкая дверь сухо трещит, ломаясь, и распаивается.

Комнатенка маленькая, тесная. В ней только шкаф, кровать, стол и умывальник с раковиной. Даже нет стула. Рядом с кроватью – пустая пузатая бутылка из-под рома. И острые очертания тощего тела под грязной простыней. Попутчик лысого сдергивает простыню, и первое, что они видят, – это испуганные глаза.

Проститутка не спит. Она смотрит, словно ждет беды.

– Здравствуй, Мариюана Андреевна... – говорит лысый.

– Не брала я его деньги... Не брала... – отвечает женщина. По голосу чувствуется, что она не совсем трезвая. – Он их сам вечером в баре потерял...

И смотрит за спину.

Спутник лысого оборачивается. В дверях стоит человек – обыкновенный малорослый латинос. И закручивает зажатое в руке мокрое полотенце – вместо дубинки. Видимо, вышел на шум из соседней комнаты.

– Это кто? Защитнички? – спрашивает латинос на плохом английском. Проститутку спрашивает. И в его голосе слышна издевка человека, привыкшего приказывать. Он совсем не боится, чувствуя себя в этом квартале хозяином, таким же, каким чувствовал себя Барерра за стойкой бара.

Лысый наклоняется и трогает плечо женщины. На плече свежий кровоподтек. Пожалуй, мокрое полотенце бьет посильнее полицейской дубинки...

Латинос поднимает руку и делает шаг вперед. Последний шаг... Потому что спутник лысого стреляет из-под полы своего светлого пиджака. Стреляет точно, сразу в голову. Тело падает неестественно громко, чуть ли не громче, чем выстрел. Проститутка пугается еще больше и пытается отодвинуться в угол.

– Марина Ивановна Андреева? – вдруг по-русски спрашивает лысый. Он хорошо говорит по-русски, только с легким кавказским акцентом.

– Да... Я... – хрипло шепчет женщина.

– Скажи-ка мне, Марина Ивановна, откуда ты родом?

– Я... Я... Из Столбова...
– Тогда мы к тебе...
– Что... Что вам надо?
– Жениться я на тебе хочу... – добрым и проникновенным голосом говорит лысый. – И домой увезти... В Столбов...
– Охренел совсем... – хрипло выдыхает Марина Ивановна. Похоже, подобная перспектива пугает ее больше, чем побои...
Но в испуганных нетрезвых глазах ее появляется какой-то интерес, по крайней мере она с любопытством рассматривает идеальную лысину...

2

Легкое касание тормозов, совсем незначительное, но машину все равно слегка заносит на повороте. Хотя скорость небольшая и дорожное полотно ровное, правда, чуть идущее под уклон.

– Кто меня уверял, что в Южной Италии не бывает зимы? – Длиннобородый араб в светлых восточных одеждах и темных очках смотрит на человека, устроившегося рядом с ним на заднем сиденье. Стекла салона сильно тонированы, и оттого здесь царит полумрак. Да еще плюс темные очки – что можно увидеть... Но араб, похоже, видит в темноте, как кошка...

Второй пассажир посмеивается.

– Я слышал, что вчера снег выпал даже в Израиле, радуя ваших братьев-палестинцев... Пустяк, конечно, но приятно, что хоть несколько человек поскользнутся и сломают себе ноги... Именно так мне вчера сказал в Риме один знакомый палестинец... Сам он ноги не ломает – уже несколько лет ездит в инвалидной коляске...

– Слава Аллаху, снегопад не в Эр-Рияде... – араб тоже посмеивается. Он поддерживает и одобряет действия палестинцев, но относится к методам борьбы ООП² чуть свысока, с точки зрения своего собственного размаха и значимости...

Путь от аэропорта до Сан-Джованни-ин-Фьоре по местным меркам считается длинным. А если учесть, что неожиданный обильный снегопад принес неразбериху на южноитальянские дороги и заставляет машины еле-еле ползти на горных поворотах, то становится понятным, насколько растягивается этот путь.

– Вы когда планируете вылететь обратно, эмир?

– Я думал заглянуть на пару дней в Рим – просто развеяться, но если и Рим завалило снегом, мне там нечего делать...

– Вчера в Риме целый день лил дождь...

Араб поднимает ладони перед лицом, словно обращается к Аллаху:

– Что делается в старой Европе! В дождь я тоже не хочу... Наверное, вечером вылетчу домой, поближе к солнцу... Надо будет не забыть позвонить и предупредить пилота... Мы с вами успеем до вечера обсудить все проблемы?

– Проблема, эмир, в настоящее время одна, и решение ее зависит полностью от вас – финансирование... Это слегка тормозит действие...

– А специалисты?

– Специалисты готовы... Уже проработали отдельные детали до тонкостей, часть действия уже начата и готова принести в будущем дивиденды. Подготовительная работа, одним словом... Ждем команды для начала первого этапа...

² ООП – Организация освобождения Палестины.

– Наверное, можно профинансировать для начала только первый этап... Мы даже не знаем, насколько он будет удачным... А потом уже браться за второй. На втором этапе, как я понимаю, будут работать другие люди?

– Нет, эмир... Помощники будут другие – только помощники, исполнители... Но общее руководство в целом не меняется. Неразумно при такой операции расплывать силы. И в США, и в России, и в Великобритании службы безопасности тоже не спят. И чем больше людей будут знать о наших намерениях, тем более вероятен провал или хотя бы непредвиденные осложнения. Потому специалисты требуют сразу полного финансирования... Они слишком многим рискуют, но рисковать соглашаются только за основательное вознаграждение.

– Сколько продлится первый этап?

– На первом этапе нам необходимо внушить помощнику американского президента по национальной безопасности мысль о проведении совместных учений антитеррористических сил США и России. И даже не просто мысль, а почти готовый план... У нас имеется такая возможность... Чуть позже наши люди в Великобритании позаботятся, чтобы «томми»³ тоже присоединились... А суть такова... Есть в России такой город – Столбов. Там расположен ядерный центр. Не военный объект, но очень опасный, как все эти «чернобыли»... В Столбове и должны развернуться основные действия... Впрочем, главный исполнитель программы все объяснит вам сам... Мы уже подъезжаем...

Эмир согласно кивает.

– Кто он такой?

– Интересный и ценный для нас человек. Его зовут Казбек Ачилович Ачилов. Мы платили ему уже несколько лет для использования в перспективе. Вот и настал момент. Он чеченец... В звании подполковника командовал полком внутренних войск еще в советские времена... Этот полк охранял когда-то стратегический объект... Тот самый ядерный центр в Столбове... Некоторое время после окончания службы Ачилов воевал дома с русскими... Там лавров не снискал, поскольку его тейп⁴ не слишком уважаем в республике и вообще прорусски настроен... Родственные связи, как вы знаете, в Чечне, слава Аллаху, еще значат очень много... Потом Казбек Ачилович перебрался на Запад... За него ухватилось ЦРУ, и он, с нашего, естественно, согласия, с удовольствием пошел на контакт... Тем более американцы неплохо платят... Меньше, чем мы, но достаточно... Таким образом мы имеем постоянный канал для дезинформации Ленгли⁵ и для выявления некоторых сфер их интересов. Работу на нас, как вы сами понимаете, Ачилов не афиширует. Уже несколько лет контакты Ачилова с организацией ограничивались перечислением денег на его счет. Предельно осторожен, сдержан. Обещает, в отличие от большинства своих соплеменников, только то, что в состоянии выполнить. Хорошо знает Столбов. И этим бесценен... Мы вместе пообедаем, заодно и составите мнение о главном исполнителе... Кстати, с ним будет и еще один исполнитель – Ширвани Андреев... Тоже личность колоритная... Побольше бы нам таких решительных людей...

– Хорошо... Я доволен вашей работой, сеньор Аль-Сантос... Кто разрабатывал общий план?

– Как обычно, я сам... Трехходовая комбинация, способная отвлечь все силы противника от основного направления действия и дать «зеленую улицу»...

– Вы свою оплату получите сразу за все время сотрудничества... А с финансированием операции... Я хотел бы услышать все в деталях и только потом смогу решить...

³ «Томми» – прозвище английских военных.

⁴ Тейп – родоплеменное образование у кавказских народов.

⁵ Ленгли – в городе Ленгли, штат Вирджиния, США, находится штаб-квартира ЦРУ.

* * *

Казбек Ачилович Ачилов – среднего роста круглолицый человек неопределенного возраста с ежиком густых седых волос. Взгляд вопрошающий и слегка обиженный. Он встает при входе гостей и приветственно прижимает руку к сердцу. Сохраняет чувство собственного достоинства, которым, заметно, очень дорожит. Точно так же ведет себя и второй человек, находящийся здесь же, – высокий, бритоголовый, с властным умным лицом и чуть насмешливым решительным взглядом.

Но эмир сразу определяет, кто из них Ачилов, кто Андреев, хотя оба выглядят типичными восточными людьми и принять их, скажем, за славян невозможно. Аль-Сантос, как человек, знакомый всем, представляет гостя чеченцам.

– У вас русская фамилия... – эмир с дружеской улыбкой обращается к Андрееву. – Вы, должно быть, имеее примесь русской крови?

И, внимательно заглядывая в глаза, сам оставаясь в темных очках, ждет ответа.

– Нет, – Ширвани насмешливо поглаживает свою лысину. – И дети мои тоже чистые ичкерийцы. Но моя последняя жена, если можно так сказать, русская...

– «Если можно так сказать...» – вы, я вижу, любите разговаривать загадками? – эмир поднимает тонкие брови.

– Это оперативная необходимость... Тактическая разработка с прицелом на запланированное будущее... Уважаемый Казбек Ачилович, пользуясь своими связями, устроил так, что я без проблем могу жить там, где мне нужно. Жена – это женщина родом из Столбова, где мы планируем проведение акции. И при заключении брака я на всякий случай решил взять ее фамилию... Тем более брак был зарегистрирован в США по поддельным документам... Свою настоящую фамилию я ничем не запятнал... Чуть позже, чтобы убрать американские следы, мы перерегистрируемся уже в России...

– Что это за женщина?

– Последний год она промышляла проституцией в Майами. Одной из самых дешевых и постоянно избиваемых... К тому же она – мелкая воровка... Лазила по карманам клиентов... И за это ей тоже постоянно перепало...

– Даже так? И вы решились довериться женщине с такой репутацией?..

– В Столбове у Марины остались родители... Уважаемые люди, на которых она побойтса бросить пятно... Отец сейчас на пенсии, но он был крупным ученым – физик-ядерщик... Занимал в свое время пост главного инженера ядерного центра... Круг общения... Просто приятельские отношения... Даже простые вопросы трудоустройства на нужную должность... Все это будет открыто для меня... По документам я теперь нагайбак⁶, отставной офицер милиции, и никакого отношения к чеченским войнам не имею...

– Кто такие нагайбаки?

– В России много разных народов... Никто, кроме ученых и статистиков, не знает точно – сколько... Но звучит непонятно, и живут нагайбаки очень далеко от Чечни... Но я выясню кое-что про свою родословную, чтобы не путаться при случайном вопросе...

⁶ Нагайбаки – представители малой народности, компактно проживающей в Нагайбакском районе Челябинской области, районный центр – Фершампенуаз. Европейское название населенного пункта характерно для этой местности. Неподалеку располагается и село Париж, названное так после возвращения нагайбакских казаков после взятия Парижа в 1814 году, рядом есть Берлин и Варна, названные так по аналогичным причинам. Самоназвание нагайбаков – крышны. Считается, что нагайбаки – прямые потомки или индуистского бога Кришны, или славянского дохристианского бога Крышняя, то есть единственные представители арийской расы в современном мире. В землях нагайбаков раскопано древнеарийское культовое городище Аркаим, которое на пятьсот лет старше легендарной Трои.

– Обязательно выясните... Проваливаются в основном на пустяках... Кстати, имя у вас чеченское?

– Имя мусульманское...

– Не лучше ли было бы сменить и имя?

– А если в ненужный момент встретится на улице старый знакомый и окликнет меня по имени?.. Да и привычнее со своим именем. В России каких только имен не встретишь... Это не опасно...

– Пусть будет по-вашему... Итак, я слушаю... Меня интересует ваш план в деталях...

– Извините, эмир, но сначала мы хотим пригласить вас к столу. Нехорошо нарушать традиции и вести разговоры с гостем, предварительно не угостив его...

Эмиру нравится соблюдение восточных традиций, и он согласно кивает.

– Вы придумали название для своей операции?

– Да. По прогнозам нынешнее лето обещает быть жарким... Мы добавим еще жары... Помните, был такой американский фильм со Шварценеггером в главной роли. Назывался «Красная жара»... Мы решили назвать свою операцию «Зеленая жара»... Такая жара многим придется не по нутру... Не находите?

– Я не возражаю...

Часть I. Начало зимы

Глава 1

1

Первыми в диверсионном управлении ГРУ по вызову полковника Мочилова появляются полковник Согрин и подполковник Афанасьев по прозвищу Кордебалет. Их отозвали из отпуска – Согрина из Самары, где он улаживал какие-то затянувшиеся семейные конфликты с бывшей женой и сыном, Кордебалета с Урала, где он просто отдыхал в военном санатории «Кисегач». Общение с хвойным бором и прекрасным озером, пусть и покрытым льдом, прекрасно восстанавливает и физические силы, и психические. Встретились полковник с подполковником, как и договорились заранее по телефону, в Самаре на вокзале, когда Согрин подсел в Кордебалету в вагон, правда, в другое купе. Девять месяцев непрерывных рейдов по Чечне – из поиска в поиск, из боя в бой, потом всего недельный отпуск – и вызов... Естественно, радости от такого неожиданного вызова, ломающего все личные планы, они не испытывали, и начальству за глаза досталось немало «теплых» слов. Третьего члена самой маленькой в управлении отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ – подполковника Сохно – оперативно найти не удалось – сотовый телефон упорно отвечал, что аппарат абонента или выключен, или находится вне зоны досягаемости. Пришлось отправить телеграмму-вызов на контрольный адрес, оставленный Сохно, согласно отпускному предписанию.

Большое здание на Хорошевке встречает их привычной холодностью требующих основательного ремонта длинных коридоров. Подполковник с полковником стучат в дверь и заходят в кабинет, не дожидаясь приглашения, как делают только свои. Мочиллов с улыбкой поднимается им навстречу и пожимает руки. Они расстались полторы недели назад, когда завершили в Чечне очередную операцию, и надеялись, что увидятся по меньшей мере через месяц, но обстоятельства и чья-то воля заставили их сойтись вместе гораздо раньше.

– Сохно так и не объявился? – со вздохом интересуется Юрий Петрович, заранее зная ответ, потому что, подай Сохно весть, он появился бы вместе со своими товарищами.

– У нас еще восемь минут в запасе... – вздыхает и Согрин. – Толя эффекты любит. Если появится, то минута в минуту. Сначала, как обычно, в дверь зайдет, потом, уже изнутри, постукивает...

Он, кажется, пытается убедить себя, что все так и произойдет, хотя на подобный исход, видно, не надеется.

– Зачем мы понадобились? – словно бы между делом интересуется Кордебалет, хотя понимает, что полковник Мочиллов отозвал их из отпуска вовсе не для того, чтобы расспросить о настроении.

– Подождем восемь минут... – усмехается Мочиллов, который тоже в пунктуальность Сохно верит мало, но Юрию Петровичу необходимо закончить шифротелеграмму, которую он писал до прихода офицеров, и он выделяет себе на это оставшееся время. – Я пока завершу работу...

Ручка продолжает бегать по бланку, как бегала до прихода вызванных спецназовцев, а полковник с подполковником тем временем рассматривают карту, разложенную на столе. Это, естественно, карта Чечни. И они не сомневаются, что их собираются снова отправить туда, откуда вытащили только неделю назад, заменив другой группой. Надеются, что карта сможет

подсказать им суть нового задания. Но карта не подсказывает ничего, потому что на ней отмечены красным карандашом районы, где, как они знают, работают другие отдельные мобильные группы.

Полковник Мочиллов как раз укладывается в восемь минут, подписывается, заполняет «шапку» бланка и смотрит на часы, вставая.

– Время вышло...

Дверь тут же с легким скрипом открывается, и все поднимаются звуку навстречу – подполковник Анатолий Сохно шагает за порог, уже изнутри стучит и улыбается:

– Здравия желаю... Я не опоздал?

Мочиллов только разводит руками:

– Сколько за дверью стоял?

– Пять секунд. Одежду поправлял...

– Явился на две секунды раньше срока... – Мочиллов еще раз смотрит на часы.

– Добавьте к своим часам два камня – снизу и сверху... Я прибыл вовремя... – Сохно категоричен и доволен собой. Он в самом деле любит эффекты и доволен, когда они удаются. – Я свои часы синхронизирую по Интернету с Гринвичем... Последний раз сверял только три дня назад – идут точно... А фирма-изготовитель в Швейцарии дала мне гарантию сбоя в пределах плюс-минус шести секунд в течение года...

– Я на минутку отлучусь... – Мочиллов помахивает бланком шифротелеграммы, засовывает ее в папку и выходит.

– Какого лешего им надо, командир? – спрашивает Сохно, поочередно пожимая руки товарищам. Он сияет, поскольку знает, что произвел эффект и на своих друзей.

– Какого-то лешего надо... – сетует Согрин. – И нам придется, похоже, этого лешего ловить...

* * *

Полковник Мочиллов, хотя и ходил в шифровальный отдел, а это совсем на другом этаже, словно бы слышал фразу, произнесенную полковником Согриным. Так всем показалось, потому что именно с продолжения ее он и начинает разговор:

– Сидите, наверное, и думаете, какого лешего вам в этот раз придется ловить...

– Именно так и думаем... – за всех соглашается Сохно. – И именно касательно лешего...

– И не в те ворота попадаете... Я к вам с совершенно иным предложением... Еще не с приказом, а именно с предложением... Приказ будет чуть позже...

Молчание спецназовцев звучит прямым и конкретным вопросом. Но Юрий Петрович не спешит выложить все карты на стол и потому выдерживает паузу.

– Не желаете сами лешими стать?.. Чтобы вас самих на сей раз ловили?.. Короче говоря, отдыхать даже роботам, говорят, иногда требуется, и потому отпуск я ваш не прерываю, он будет продлен на те дни, что вам потребовались на свидание со мной, но делаю вам официальное предложение поработать некоторое продолжительное время, уже после отпуска, в качестве... – новая пауза тоже впечатляет слушателей. – В качестве леших-террористов...

– И это как?.. – без паузы интересуется Сохно. – Мне, конечно, все равно, я могу и ирландским католиком на какое-то время стать, и даже мусульманином, при условии, что мне разрешат обойтись без обрезания... Но, говоря честно, вот как-то не очень желаю превратиться в «черную вдову»... На остальное почти согласен...

Мочиллов остается серьезен. К играм подполковника и к его нестандартной модели общения он давно привык. И даже знает за Сохно привычку самоутверждаться, ставя порой таким общением высокое начальство в тупик.

– Ну, не совсем так... Без «черных вдов» и обрезаний мы, пожалуй, сможем обойтись... Но... Короче говоря... Относительно вашей мобильной группы уже готовится приказ... Через шесть месяцев намечаются учения международных антитеррористических сил. Вернее, учения, можно сказать, уже начались... Финал – через шесть месяцев... Участие будут принимать наши антитеррористы из «Альфы» – с одной стороны, и наши диверсанты – с другой... Диверсанты должны исполнить роль террористов... Совместно с «Альфой» будут работать специалисты по антитеррору из США и Великобритании. Наблюдать ход учений будут, вероятно, высшие должностные лица государств-участников. Вплоть до министров обороны, а может быть, и выше... Этот вопрос окончательно еще не решен. Большая политика, как вы понимаете, планируется загодя, но людей ставят в известность только после свершения факта... Через месяц после первых состоятся вторые учения – в Великобритании, еще через месяц – третьи, в Соединенных Штатах... Это все для соблюдения паритета. Объект по нынешним временам не военный, хотя и особо опасный в случае непредвиденных ситуаций. Итак, сначала иностранцы на нашем стратегическом объекте, потом мы на их объектах. Но нас с вами второй и третий этапы касаются мало, поскольку собственных террористов, настоящих и ряженных, у них хватает. Все будет проводиться на полном серьезе... В США – свои диверсанты, в Великобритании – свои... У нас – естественно, тоже найдутся... В качестве ударной группы террористов выбрали вас... Для ГРУ важно – преподать товар, как говорится, лицом и поддержать репутацию... Такое выкинуть, на что ни американцы, ни англичане не могут быть способны... Они всегда в своих действиях согласуются с расчетом... А вы, как всегда, должны быть непредсказуемы, как... Как Сохно...

Согрин сухо улыбается.

– Давно пора дать нам поиграть... А то все боевые задания... Никакого отдыха... Но, Юрий Петрович, учти... Поиграю и пойду на пенсию...

Мочиллов качает головой – то ли осуждает, то ли вообще не принимает всерьез такую угрозу, хотя Согрин старше его на добрый десяток лет.

– О пенсии разговор будет особый, и не сегодня... Я отозвал вас из отпуска, во-первых, чтобы поставить в известность...

– Сердечно благодарен... – хмыкает Сохно. – Можно сказать, разрушили мою личную жизнь... У меня такой роман в деревне намечался... А тут – отзывают... А рядом деревенский бугай вертится, самогонки примет – и с гармошкой по улице... И все девки в мое отсутствие падают пред ним...

– Во-вторых, чтобы дать вам время подумать и на свежую голову прикинуть варианты, чтобы после отпуска предложить какой-либо план, устраивающий высшее руководство. А лучше – сразу три плана... Чуете, к чему дело идет?

– К чему? – спрашивает Кордебалет.

– К тому, что террористическую акцию запрещено разрабатывать специалистам оперативного отдела. Это неременное условие проведения учений. И материально-техническое оснащение в минимальном объеме. Все основное – ваш ум, ваша инициатива, ваше умение и старание... Что добудете, что сами накопаете, то и ваше...

– Так даже лучше... – соглашается полковник Согрин. – Единственный вопрос – место проведения учений?

– Город Столбов...

– Ядерный центр?

– Ядерный центр...

– Карты объекта нам дадут?

– С картами работать только внутри управления... Только внутри... – Юрий Петрович смеется, понимая ситуацию, в которой следует составлять планы, не имея под рукой карт.

– Конечно... – Сохно человек по характеру легкий и соглашается с удовольствием. – Такие карты есть только у американцев и у англичан... И, наверное, у настоящих террористов... Нашим офицерам подобную вещь доверить невозможно. Не заслужили они доверия... Террористы, одним словом, и есть террористы...

– У англичан и американцев, конечно, есть свои карты... – вздыхает Мочиллов. – Мы не можем запретить их спутникам летать в космосе, где границы пока не прочерчены...

– Обойдемся... – уверенно соглашается Сохно. – Сами добудем... С чужих спутников...

– Добудете – значит, включились в игру... – соглашается Мочиллов. – Я даже знаю, где вы их добудете, потому что сам хотел посоветовать вам обратиться туда... Кстати, мы уже обсуждали вопрос об усилении вашей группы, но учения должны иметь максимальную привязанность к естественным условиям, поэтому вопрос о доукомплектовании вашей группы силами спецназа ГРУ снят с повестки. Связано это с тем, что в естественных условиях далеко не каждый террорист имеет подготовку спецназовца ГРУ...

– Ни один не имеет... Кроме тех, что раньше служили у нас... – подтверждает Согрин. – А такие, к сожалению, пока встречаются...

– Вот потому мы и допускаем усиление вашей группы со стороны... Кадры подбираете самостоятельно... Скажем, из тех же парней, у которых вы желаете попросить карты... Они тоже бывшие... Но уже не наши... Последнее будет замечено и оценено положительно...

– А их допустят? – спрашивает Сохно.

– Думаю, что допустят... Только в вашу «террористическую» группу... Это вопрос, который командование в состоянии решить... Что касается допуска на объект, который будет все это время охраняться, как вы понимаете, в повышенном режиме, это ложится на ваши плечи... Сами добирайтесь, как настоящие террористы делают... У меня пока все!

– Тогда мы отправляемся к Басаргину... – решает за командира Сохно. – За картами...

– Привет ему от меня... – на прощание говорит Мочиллов, показывая этим свое одобрение. – Адрес знаете?

– Надеемся, что они не постесняются сообщить его нам... А телефонный номер нам известен...

– Запоминайте адрес... Найти несложно...

2

В Старопромысловском районе Грозного вечера никогда не приносят спокойствия и умиротворения. Это инспектор дорожной службы старший лейтенант Завьялов знает хорошо. Успел узнать за почти шесть месяцев командировки. До смены осталась неделя, а потом – домой... Скорее бы... Устал от постоянного напряжения...

И до дневной смены остался час...

Завьялов стучит автоматом в амбразуру блокпоста, сложенного из бетонных блоков, призывая напарника.

– Смени меня... Погреюсь...

И вытаскивает портсигар, чтобы закурить. Портсигар этот жена специально для этой командировки купила ему на базаре. Не какой-то магазинный легонький, который пальцами смять можно, а солидный, весомый, сделанный из нержавеющей стали каким-то домашним или «зоновским» умельцем, с гравировкой, изображающей схватку двух львов. И наказала, чтобы держал портсигар в левом нагрудном кармане, там он будет закрывать сердце... От пули... Но сердце от пули и бронежилет хорошо закрывает, а каждый раз лазить под него, чтобы достать портсигар, – это не слишком удобно...

Старший лейтенант вытаскивает сигарету, но прикурить не успевает и портсигар убрать не успевает. Видит старенький «жигуленок», направляющийся к выезду из города. И опытный глаз сразу схватывает ситуацию – на заднем сиденье четыре человека. Непорядок...

Завьялов давно уже знает, что в Чечне на протяжении многих лет никто не сдавал на водительские права. Права просто покупали, как на базаре, торгуясь с сотрудниками ГИБДД. И правила дорожного движения здесь мало кто знает. Но инструктаж требует спрашивать за правила строго, замечать любой беспорядок. Тем более что за любой беспорядок чеченцы обычно нормально платят, чтобы он не так бросался в глаза... И потому Завьялов, так и зажав незажженную сигарету между пальцев, оставив автомат на амбразуре блокпоста, поднимает жезл и шагает к дороге. Выходит на свежий воздух и его напарник. У этого автомат на плече, но смотрит стволом в землю. Третий их коллега – омоновец – так и сидит внутри. Письмо домой, кажется, пишет... Он недавно прибыл в Чечню и скучает по семье...

Завьялов с напарником расслаблены. Они ситуацию чувствуют и не беспокоятся. А что беспокоиться, если с противоположной стороны, из-за поворота приближается к блокпосту БМП. В случае чего – всегда подмога, да и кто против БМП на «жигуленке» попрет...

Но оба они не понимают, что с той стороны, откуда приближается «жигуленок», БМП не видно из-за развалин старой, с пробитыми артиллерийскими снарядами стенами «хрущевки». И потому два автоматных ствола, высунувшиеся из легковой машины, для них полная неожиданность. Очереди бьют сухо и коротко. Одна из пуль попадает даже в поднятый в виде щита портсигар, выбивая его из рук Завьялова... Скрипит не менее громко, чем автоматные очереди, переключаемая коробка передач, «жигуленок» резко набирает скорость, чтобы выехать из города, водитель уже видит БМП и пытается маневрировать. Но с брони соскакивают два человека, стреляют на ходу по легковушке, а сама БМП только чуть-чуть поворачивает в сторону и таранит «жигуленок». Встречный удар получается мощным и звучным. Со звоном летят стекла, со скрежетом сгибается легкий металл кузова легковушки, и левая гусеница подминает под себя капот...

Водитель и пассажир с переднего сиденья так и остаются в машине, уронив на переднюю панель окровавленные головы. Но пассажиры с заднего сиденья выскакивают сразу. Того, что сидел слева, автоматная очередь останавливает еще тогда, когда ноги его остаются в машине. Но двое других успевают покинуть машину, перекатиться и сразу попасть в мертвую для обстрела зону – корпус машины, а сразу за ним – коробка блокпоста, а дальше – развалины домов, где легко скрыться. Но и из БМП выскакивают офицеры, стреляют на ходу, хотя и понимают, что стрельба их в такой ситуации бесполезна. Просто любой опытный солдат знает, что, когда за спиной звучат даже нецельные выстрелы, они не позволят тебе выпрямиться в полный рост и бежать так, как велит страх. Тот же страх заставит пригнуться, присесть, высматривать укрытие...

* * *

Командир отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ подполковник Разин показывает лейтенанту Сосненко на окровавленных инспекторов дорожной службы. Раненые шевелятся, Завьялов даже пытается встать и тянет руку в сторону блокпоста, где он оставил свой автомат. Выскочившему из блокпоста омоновцу Разин бросает короткое:

– Вызывай оцепление...

А сам устремляется за своими бойцами, так вовремя оказавшимися на месте нападения на блокпост. И видит при этом, что его заместитель майор Паутов уже осматривает машину и оставшихся в ней боевиков. Погибнуть от столкновения они не могли – не такой силы был удар. А допрашивать лучше всего раненых, пока те не попали в лазарет СИЗО. Паутов сумеет разговорить боевиков, в этом Разин не сомневается. И не оставит на поясе или в кармане гра-

нату, как случилось недавно с внутривойсковым патрулем в такой же ситуации. Тогда раненый боевик, бросив под ноги автомат, позволил без сопротивления вытащить из кобуры пистолет и нож из ножен, а сам зажимал двумя руками рану в боку. Когда внутривойсковики окружили его, оказалось, что он прижимал к ране гранату с сорванным кольцом и, уже будучи окружен людьми, разжал чеку. В итоге трое убитых, включая самого боевика, и четверо раненых. Паутов опытный. Он такого не допустит...

* * *

Вопрос о скорейшем сносе в городе развалин ставится давно и постоянно. Эти развалины, как посчитали специалисты, процентов на сорок снижают уровень безопасности в таком опасном городе, как Грозный. И подполковник Разин лишний раз убеждается, что это так. Преследовать беглецов среди развалин дело сложное и опасное. Никогда не можешь сразу определить позицию, с которой в тебя будут стрелять, а сам преследуемый имеет возможность после короткой прицельной очереди эту позицию сменить и не попасть под перекрестный обстрел.

Группу не надо предупреждать, чтобы она включила «подснежники»⁷. Подполковник уже слышит в наушнике шум дыхания бегущих людей, чертыханья и более крепкие выражения, явно не адресованные кому-то, а просто помогающие в следующий раз не спотыкаться.

– Я Волга, – командует Разин. – Снайперы! Ищите позицию повыше...

– Я Спартак. Понял...

– Я Сокол. Понял...

Он сам забирается на какую-то стену и оттуда уже видит, как старший лейтенант Парамонов и лейтенант Сокольников по флангам сворачивают в сторону от прямого преследования и выбирают удобную для себя позицию.

– Быстрее действовать, пока не стемнело...

А темнота наступает неуклонно. И не в человеческих силах остановить ее.

– Я Ростов, – подает в эфире голос капитан Ростовцев. – Надо перекрыть выходы в жилые кварталы. Они туда ринутся...

– Вот и перекрывай... Радуга! Помоги ему...

– Я Радуга. Понял...

Лейтенант Стогов перемещается в сторону, чтобы заблокировать еще один проход. Действия группы согласованы, каждый понимает друг друга с полуслова. В дневное время беглецам уйти было бы невозможно. Но сейчас темнота может оказаться им в помощь.

Недалеко, за спиной, слышится рев машин. Подполковник оборачивается. К блокпосту прибыла помощь из комендатуры. Солдаты выпрыгивают из кузова и, сразу получив команду, веером рассыпаются вокруг развалин. Точно такой же маневр производится и вдалеке, на другой дороге. Должно быть, тот омовец, что остался на блокпосту, оказался парнем толковым, сразу выложил дислокацию.

Из развалин доносится несколько коротких очередей. Разин по звуку определяет, что стреляют из «АК-47»⁸. Значит, один из боевиков или даже оба проявили себя, обозначили. Это их оплошность. Теперь снайперы возьмут их на прицел.

Так и оказывается.

– Я Спартак. Вижу обоих...

– Я Сокол. Тоже вижу...

⁷ Коротковолновая индивидуальная радиостанция ограниченного радиуса действия. Наушник вставляется в ухо, а миниатюрный микрофон крепится около рта.

⁸ «АК-47» – автомат Калашникова, снятый с вооружения, имеет калибр 7,62 мм и по звуку стрельбы отличается от малокалиберного «АК-74», стоящего на вооружении.

– Я Волга. Стрелять по ногам и рукам... Остальным... Осторожнее при захвате... Чтобы не взорваться... Следите за гранатами...

Микрофоны «подснежников» снайперов при стрельбе почти прижимаются к «винторезам». И потому сухие невыразительные щелчки не раздражают слух. Разин понимает, что дело сделано. Каждый из снайперов послал по три пули... Этого хватит...

Подполковник поднимается во весь рост и, не дожидаясь доклада снайперов, машет рукой офицеру, командующему оцеплением.

– Я Спартак... Оба лежат... Одного я снял, второго Паша подцепил...

– Я Ростов... Выхожу на захват...

– Я Волга... Осторожнее...

Подполковник спрыгивает со стены, выискивая площадку без камней, на которых недолго и ногу сломать, и возвращается к блокпосту.

Навстречу ему шагают майор с лейтенантом. В глазах вопрос...

– Все... Снайперы сняли их... Сейчас принесут...

Разин спокоен и уверен. Он не сомневался, что дело завершится именно так.

– Снимайте оцепление...

Майор Паутов, передав раненых внутривойсковикам, подходит к командиру.

– Допросил?

Паутов кивает, но ничего не говорит при посторонних офицерах. Разин отходит в сторону, к своей БМП, уже съехавшей с капота раздавленного «жигуленка».

– Что-то интересное?

– Группа отправлялась в Россию. Готовится какой-то большой теракт... Своими маршрутами идут другие группы... Сбор в Сочи, но теракт планируется в другом месте. Где, они не знают... Но... Что-то связано с неким ядерным центром... Надо срочно сообщить в ФСБ, пусть прокачивают ребят по полной программе...

– Разговорчивые парни...

– Пока не очухались... Разговорчивые... Будешь разговорчивым, когда тебя начинают кастрировать... – Паутов хлопает себя по рукоятке боевого ножа...

– Операцию хоть не завершил? Хирургическую... А то ведь, по нынешним временам, посадят...

– К сожалению, не успел...

– Ладно, поехали сразу в ФСБ... Сейчас наши соберутся... Я пока предупрежу...

Подполковник вытаскивает трубку спутникового телефона и набирает номер...

3

Старенький, слегка битый, неровно зашпаклеванный и неаккуратно окрашенный «жигуленок», из тех, что повсеместно зовут «копейками», останавливается сразу за поворотом, даже не проехав от угла положенные пять метров. Но двигатель не выключается, из чего можно сделать вывод, что водитель – молодой парень в кожаной, покрытой многочисленными заклепками куртке вот-вот собирается тронуться с места. Он даже левый сигнал поворота включает сразу же, как только на машине перестает мигать правый.

– Точно... – говорит второй парень с заднего сиденья. На нем такая же куртка, как на первом, точно такая же черная вязаная шапочка, и это уже напоминает униформу. – Это они... Они... А вот кто же это с ними?..

Впереди остановился синий «Ауди А6», большой, красивый, мощный, сияющий лаком под светом уличного фонаря.

– Проезжай дальше, – советует третий обладатель униформы, тоже устроившийся на заднем сиденье, – не то заметят...

Водитель со скрипом отжимает сцепление и с еще большим скрипом включает первую передачу, чтобы тронуться с места. Но машина ехать не спешит. «Ауди» впереди тоже стоит с включенным левым сигналом поворота, словно собирается отъехать от бордюра.

– Шибко крутой кто-то... – говорит водитель. – На такой-то «тачке»...

– Или торговый... На наши, стало быть, с тобой кровные денежки купил...

Синий «Ауди» все же успевает отъехать первым. С водителем, невидимым за тонированными стеклами, после непродолжительного разговора прощаются двое пассажиров – парней типичной кавказской внешности, что переходят тротуар, сворачивают за угол и уходят во двор.

– Давай, Санек, за ними...

Сигнал поворота переключается с левого на правый. То, что не «по зубам» шикарному «Ауди» с его несерьезным клиренсом⁹, вполне по силам «копейке». Машина, качнувшись, взбирается на бордюр, не задев его даже выхлопной трубой, и проезжает через тротуар между двумя домами. Во двор, куда ушли двое кавказцев...

Тем не менее оказывается уже поздно. Кавказцев не видно.

– Или первый, или второй подъезд... – делает вывод Санек. – До третьего не успели бы дойти... Стас, вон у тех парней спроси...

– Сам спроси... Ты разговорчивый... – отвечает третий парень.

– У меня стекло не опускается... Спроси...

Машина разворачивается по плавному кругу и останавливается рядом с двумя мальчишками лет по пятнадцать-шестнадцать, что, сильно жестикулируя, разговаривают, стоя на углу дома. Скрипит опускаемое стекло.

– Мужики... – обращение звучит солидно и уважительно, что мальчишкам, конечно же, нравится. – Тут сейчас пара кавказцев прошла... Они здесь живут?

Мальчишки смотрят внимательно. Словно оценивают варианты ответа. Один вытаскивает из ушей миниатюрные наушники плеера. Общаться с другом музыка ему не мешала, но при разговоре с чужими он желает слышать больше.

– Появились тут... Квартиру купили... Двухкомнатную... На втором этаже... – более высокий парень оказывается общительным и словоохотливым, показывает пальцем на балкон угловой квартиры, в окне которой только что зажегся свет.

– У кого купили-то?

– Старик со старухой здесь жили. Прокудины...

– А сами Прокудины куда делись?

– А кто ж их знает.

– Мне бабка рассказывала... – ломким баском говорит второй, что вытащил наушники, и кладет руку на крышу машины, словно облакачивается, и настраивается на длительную беседу. – В деревню уехали... Сейчас в деревне дом можно за копейки купить...

– Ага... Понятно... Спасибо, мужики... Не достают они вас?

– Черные... Дикари... Видишь... – показывает мальчишка пальцем. – Мусор им лень в контейнер таскать... Все под балкон сбрасывают...

– Все черные так... – добавляет первый. – В прошлом году на четвертом этаже семья жила... То же самое было... Дикари...

– Ладно, мужики, надо их к порядку приучать...

«Мужики» уважением довольны. Стекло поднимается, «копейка» трогается и выезжает из двора на дорогу через тротуар. И на дороге уже занимает место там, где перед этим останавливался «Ауди».

– Будем ждать? – спрашивает Санек.

– А тебе есть куда торопиться? – интересуется тот, что разговаривал с мальчишками.

⁹ Клиренс – расстояние от полотна дороги до нижней точки кузова.

Санек не отвечает.

– Серегу правда жена съедает, когда он задерживается... – Стас бросает взгляд на соседа.

– Подавится... – отвечает Серега. – Я не всегда съедобный...

Но они-то хорошо знают, что смелый он только перед ними. С женой он так не разговаривает...

* * *

Проходит больше часа.

– Сколько же их можно ждать...

– Они что вообще – старики сорокалетние, чтобы по вечерам дома сидеть? Козлы...

Начинает идти мокрый и липкий снежок. Понемногу заваливает лобовое стекло. Водитель время от времени заводит двигатель и включает «дворники». Но ненадолго... И скоро снег снова заваливает стекло...

– Холодает... Включи печку... – просьба к Саньку.

– Бензина на доньшке осталось... И сколько сидеть – неизвестно...

В машине накурено. Дым дешевых сигарет начинает щипать глаза.

– Они... Идут...

– Нет... Не они... Эти ростом ниже...

Прохожих на улице становится заметно меньше. Время позднее. Тротуары освещаются не столько светом редких фонарей, сколько окнами домов и витринами многочисленных магазинов.

Проходит еще час.

– Минут сорок еще подождем, – говорит Санек, – и поедем... Дольше ждать бесполезно...

Спать завалятся, а нам... В машине не поспишь... Сопли замерзнут...

Но пара кавказцев не обманывает ожидания. Они все-таки выходят из двора и сворачивают направо. Идут быстро, подняв воротники курток, чтобы снег не сыпал за шиворот.

– За ними...

– Не торопись... Не сразу... Заметно будет... Дойдут до перекрестка – поедем...

Санек уверен так, словно имеет богатый опыт слежки, хотя опыт у них у всех одинаков. Но соображает Санек правильно, и никто ему не возражает. Фигуры кавказцев видно издалека. Те доходят до перекрестка и выходят к дороге. Останавливаются около бордюра. С поднятой рукой. Ловят машину...

– Может, к себе посадим?

– Одного – в салон, второго – в багажник?

– И того, и другого в багажник...

– Не поместятся...

– Скрутим, свернем, утрамбуем... – Стас мрачно решителен даже в шутках.

Мимо «копейки» проезжает желтая, как такси, «шестерка». Включается правый сигнал поворота. Машина плавно прижимается к бордюру.

– Этот посадит... Поехали потихоньку... – говорит Серега.

Теперь водитель «копейки» не возражает и заводит машину.

* * *

Поздним вечером, с одной стороны, труднее вести слежку – транспорта мало, и заметить преследование легче. С другой стороны, в это время суток и не разберешь в зеркале заднего вида, что за машина тащится позади – та же самая или новая пристроилась.

Свет фар – единственное, что можно рассмотреть. А в зеркало смотреть имеет возможность только водитель. Но при этом он, если будет смотреть назад постоянно, куда-нибудь может въехать...

Поэтому водитель «копейки» не стесняется, держится к «шестерке» близко.

«Шестерка» добирается до центра города. Видно, как зажигается в салоне свет. Кавказцы расплачиваются.

– В ночной клуб подались... – решает Стас. – Туда двинем или здесь подождем?

– Здесь... – настаивая интонацией, предлагает Серега.

– Боишься, что увидят и жене ляпнут... – Санек усмехается, не оборачиваясь.

– Ты и ляпнешь между делом... Невзначай... – Серега сердится.

– Ладно вам... Не до того... – Стас всматривается в окно. – Я один схожу... Вы здесь сидите... Если что, выйду, знак дам, подстрахуйте...

Он открывает дверцу, ногу уже ставит на бордюр, но замирает.

– Вот, черт... Деньги есть у кого-нибудь?

– Были бы, машину бы заправил... – говорит Санек.

– У тебя не спрашиваю... – Стас снова садится на прежнее место и смотрит на Серегу. –

Ты все домой несешь... Заботливый папаша...

– Ты, что ли, моего сына кормить будешь...

– Ладно... Денег добудем... Денег добудем... Но придется сегодня в машине сидеть до упора... Холодно, блин...

Сидеть им приходится до трех ночи... От ночного клуба уже отъехало много машин. Хороших, не чета «копейке». И только около трех выходят две знакомые фигуры вместе с двумя девицами...

– Мымры чудосочные... Получше там не валялось? – усмехается Серега.

– То, что требовалось доказать... – Стас довольно потирает руки. – Остался пустяк...

Проверить, куда они двинут...

Кавказцы снова выходят к дороге и ловят машину. К этому времени таксисты и просто водилы, желающие «подлохматить», стягиваются сюда... На сей раз останавливается «Волга». «Копейка» провожает ее до знакомого дома.

– Дверь надо проверить... – решает Стас и выходит, чтобы забежать в подъезд. Возвращается через три минуты.

– Нормально... Дверь деревянная... Можно готовиться...

Глава 2

1

В полуконспиративном офисе российского бюро антитеррористического подсектора Интерпола – иначе это заведение назвать трудно, потому что располагается оно в жилой квартире и официально числится помещением жилого фонда Москвы, идут теоретические занятия. Поэтому Басаргин просит гостей появиться у него не раньше чем через час.

– Так точно и появимся... – обещает Сохно, звонит Басаргину именно он. – Все равно мы раньше не доберемся без машины Тобако и тем более без него самого в качестве водителя...

– Андрей Вадимович у нас как раз и проводит сегодняшние занятия, – сообщает Басаргин, руководитель антитеррористического бюро, отсекая всякие попытки заказать транспорт и добраться до офиса быстро и с удобствами.

Про собранный по заказу Интерпола «БМВ» с форсированным двигателем, который разве что летать не умеет, пока его хорошо не попросишь, и про умение Андрея Вадимовича Тобако ездить по переполненным машинами Москве так, словно у него на каждом углу крыши стоит по мигалке, спецназовцы слышали уже много раз. Теперь им предстоит толкаться в метро, что энтузиазма, естественно, не вызывает. Тем не менее они и без энтузиазма направляются к ближайшей станции...

– Что касается отпуска, – на ходу хмуро размышляет Кордебалет, – я думаю, про него следует уже забыть... Накрылся...

– А я вот так думаю, что стоит догулять отпуск вместе... – предлагает Сохно.

– Да... Совершить небольшую экскурсию... – поддерживает полковник Согрин.

– Вот-вот... Рекогносцировка на местности... – Сохно уточняет свою мысль.

– Кто туда экскурсантов пустит... – Кордебалет, как обычно заведено в их группе, не отрицает возможность, он просто ищет через отрицание наиболее вероятный вариант.

– А нам надо действовать быстро... Пока еще противоположная сторона хватится и проработает план мероприятий по пресечению наших попыток...

– Значит, будем действовать... Я могу и просто так сходить... – предлагает Сохно. – Где пешком, а где ползком...

– Так рискуем сразу засветиться... Выход один... – решает полковник. – Надо придумать такой повод, чтобы не просто пустили, а приняли бы с распростертыми объятиями...

– С хлебом-солью... Кстати, в какие-то годы что-то я слышал про Столбов интересное и к случаю, кажется, подходящее, но не слишком хорошо помню, что именно... – Сохно морщит лоб. – Вернее, совсем не помню... Помню только, что подходящее... Но это уж точно...

– Такие города не афишируют свое существование.

– Даже в энциклопедии данных не найдешь... – сетует Кордебалет.

– Мне кажется, это как-то связано с церковью... Я вспомню, когда перестану думать... – убежден Сохно. – Может, выпить по этому поводу? И лбом в стену... Тогда и мысли остановятся...

– За неделю еще не напился?... – В свое время Согрин долго отучал Сохно от чрезмерного потребления «останавливателя мыслей».

– Если нет в современной энциклопедии, возможно, стоит поискать в дореволюционной... У Брокгауза и Ефрона... Я где-то видел в продаже компьютерный диск... Надо поискать... Столбов – город старинный, с традицией...

– Толик правильно говорит... – полковник тоже морщит лоб, стараясь что-то вспомнить. – Это как-то связано с религией... То ли там монастырь какой-то знаменитый был... То ли еще что-то подобное...

– Может, на такси поедем? – предлагает Кордебалет, показывая на желтую машину, стоящую у тротуара.

– Тогда приедем только через три часа... – говорит Сохно. – Нехорошо заставлять уважаемых коллег ждать... Ищем, где можно купить компьютерный диск... «Брокгауз и Ефрон»...

* * *

Привычка Сохно сначала заходить, а потом стучать с офисом Интерпола не проходит. Дверь здесь основательная, металлическая, замок крепкий и вообще какой-то нестандартный – просто так, даже в совершенстве владея отмычкой, не войдешь при всем желании. Приходится звонить. Но в другом привычка подполковника срабатывает точно. Он по своим швейцарским часам проверяет, дожидается, когда пройдут оставшиеся пять секунд, и только тогда звонит. Точность – вежливость королей и спецназовцев. Согрин с Кордебалетом, посмеиваясь, молча ждут исполнения этого ритуала.

Дверь открывает «маленький капитан», как зовут друзья отставного капитана спецназа ГРУ Виталия Пулатова. Впрочем, чаще его зовут просто Пулатом.

– В кои-то веки... Заявились в полном составе... – приветливо улыбается Виталий, распахивая дверь и пропуская гостей в коридор. – Дверь налево – офис, прямо – квартира нашего командира.

Но офисная дверь открывается сама. На порог выходит Басаргин, с которым спецназовцы за долгое время сотрудничества и даже при проведении нескольких совместных операций пока общались только по телефону, но лично не встречались.

– Знакомьтесь, – представляет их Пулат. – Это и есть те самые наши постоянные друзья...

– Через порог не здороваются, – Басаргин отступает в сторону и только в прихожей пожимает каждому из гостей руку.

– С остальными мы, кажется, знакомы... – говорит Согрин и с улыбкой пожимает руку каждому, кто выходит встретить их. Улыбка идет его неулыбчивому загорелому лицу. – Столько операций совместно проводили, а такой вот сложный рейд – к вам в гости! – совершаем впервые... Да и то по делу... Чтобы время не терять, может, сразу и начнем?

Все проходят в большую комнату офиса.

– Ты, Игорь Алексеевич, стал очень деловым человеком... – баском посмеивается двухметровый гигант Доктор Смерть. – В соседней квартире хозяйка старается, стол накрывает, а ты только дела признаешь... Для нас такие гости – всегда праздник... А праздники у нас, признаюсь, случаются не часто...

– Я же говорил, что вспомню, когда выпью... – Сохно довольно потирает руки. – Я знал, я чувствовал заранее... Все к тому и идет, что мне придется-таки вспомнить...

Согрин вздыхает и жалеет хозяев – знает, что, если в один строй встают Сохно и Доктор Смерть, местным запасам спиртного угрожает реальная опасность...

* * *

К искреннему удивлению Игоря Алексеевича, хорошо помнящего привычки своих друзей, и отставной майор медицинской службы, а нынче интерполовец Доктор Смерть, и даже подполковник Сохно за столом весьма сдержанно употребляют спиртное. Более того, Сохно после первой же рюмки становится непривычно задумчивым и даже в разговор вступает только после того, как к нему обращаются. Полковник относит это к влиянию хозяйки – жены Алек-

сандра Басаргина Александры, которая заводит разговор об искусстве, что с хорошей выпивкой не слишком совмещается. Чуть погодя она садится в стороне от общего стола и начинает колдовать с угольным карандашом над большим прикрепленным к планшету листом бумаги. Александра – профессиональная художница. Все видят ее взгляд, обращенный на Сохно, видит его и сам Анатолий, понимает, что это именно его изображают, а не кого-то другого, и потому ведет себя до неприличия смирно.

Когда все поднимаются из-за стола, чтобы перейти в офис для предстоящего разговора, подполковник с торжеством смотрит на своего командира.

– Что? – спрашивает Игорь Алексеевич больше кивком, чем словами – так, как они привыкли разговаривать друг с другом в рейдах, где необходимо умение читать взгляды и как можно меньше шуметь.

– Вспомнил...

– И?..

– Расскажу... Это, может быть, почти подземный ход...

– Любишь ты пещеры... – вздыхает Согрин, потому что несколько операций последнего сезона они проводили именно в пещерах, и там подполковник показал себя знатоком, умеющим и под землей воевать не хуже, чем на земле, что удастся далеко не всякому.

– Подземный ход – в переносном смысле...

Согрин пожимает плечами, понимая, что Сохно еще не начал объяснять, и терпеливо дожидается, когда придет время.

Приходится перенести стулья из квартиры в офис, чтобы все могли удобно расположиться. Согрин, оказывается, тоже любит говорить, разгуливая, как Басаргин, от окна к двери, и в один момент даже шторку отодвигает, выглядывая в окно, как это всегда делает Александр Игоревич, и этим вызывает улыбочивое переглядывание хозяев офиса. Осталось только остановиться и прислушаться, что происходит за дверью в коридоре, тогда сходство станет еще сильнее. Полковник рассказывает о сути предстоящего мероприятия, о предположительном задействовании сил и о предложении, родившемся одновременно в головах спецназовцев и их руководства, то есть о привлечении к учениям сотрудников Интерпола.

– Предложение заманчивое, поскольку нам тоже, по большому счету, следует проводить свои учения, иначе мы можем потерять какие-то навыки, – соглашается Басаргин. – Хотя, признаюсь, для нас более важным было бы выступление на противоположной стороне. Я предпочел бы ловить вас...

– А это невозможно... – убежденно возражает Сохно. – Не стоит и пробовать...

– Почему?

– Это невозможно, потому что это невозможно... – логика у подполковника пуленепробиваемая. – Нас могут поймать только тогда, когда мы сами этого захотим...

– Это мы учтем... – согласно улыбается Басаргин. – С другой стороны, имея перед собой таких прекрасно подготовленных условных потенциальных противников, есть чему поучиться. Опыт диверсантов в чем-то схож с опытом террористов, и знать это дело изнутри вовсе не вредно... Хотя я не знаю, как отнесется к этому наше руководство в Лионе, а без согласия руководства я не могу санкционировать пополнение «армии террористов» членами собственной команды...

– Значит, следует запросить это согласие... – убежденно басит Доктор Смерть. – И...

Телефонный звонок не дает ему договорить.

– И при этом следует, – все же завершает Доктор свое выступление, – запретить Тобако сотрудничать со своими бывшими сослуживцами из «Альфы»...

Он включает спикерфон и рявкает:

– Слушаю вас внимательно, Владимир Васильевич...

Определитель номера показывает, что звонит генерал Астахов из штаба антитеррористического управления «Альфа» ФСБ.

– Добрый день, Виктор Юрьевич. Я рад поприветствовать вас и ваших коллег. Могу я побеседовать с Басаргиным?

– Я рядом, товарищ генерал, – приблизившись и наклонившись к микрофону, говорит Басаргин. – Слушаю вас...

– Александр Игоревич, не могли бы вы с Тобако заглянуть к нам на полчаса?

– У нас, товарищ генерал, сейчас идет учеба, и я не могу прервать процесс... Что-то срочное?

– Нет, время терпит... Когда освободитесь, позвоните...

– Можно узнать, о чем пойдет речь? В двух словах.

– Намечается одно крупное международное мероприятие, и я хотел бы задействовать в нем вас и ваших людей...

– Мы часа через два освободимся и сможем приехать...

– Хорошо... Через три часа я жду вас...

Доктор Смерть выключает аппарат и демонстративно хохочет.

– Что? – спрашивает Басаргин.

– Я уверен, что международное мероприятие именно то, о котором нас только что предупредил Игорь Алексеевич... Нас ценят, если мы идем нарасхват... Но обратной дороги у нас нет, в том числе и у Тобако...

– То есть... – спрашивает сам Андрей Вадимович Тобако, бывший сотрудник «Альфы».

– То есть мы перед вами открылись полностью... – вместо Доктора отвечает Кордебалет. – Кроме вас, никто не знает, что это именно мы должны стать «террористами»... И тем более этого никак не должны знать «альфовцы»...

– Да-да... – соглашается и Сохно. – Ваше положение однозначно, если не хотите, чтобы мы считали вас предателями...

– Мы не хотим, – говорит Ангел, отвечая за всех...

– А мне лично быть «террористом» кажется более интересным... – подает голос из угла, где обычно сидит молча, Дым Дымыч Сохатый, еще один бывший спецназовец ГРУ. – Есть где развернуться...

– Но играть на руку вам в ущерб противоположной стороне мы – те, кто не войдет в «команду террористов» – тоже не имеем права... Хотя... Хотя чем-то помочь, наверное, в состоянии... Террористы ведь тоже кому-то платят, с кем-то работают и добывают необходимые им сведения... Наверное, так и вы можете... – довольно хмуро говорит Басаргин, как бывший офицер ФСБ, не желающий вести игру против своей «альма-матер». – Доктор, подготовь запрос на разрешение...

Последняя фраза уже означает, что Александр Игоревич вынужденно согласился с доводами спецназа...

2

– Мне выпала доля командовать силами «синих»... – говорит генерал Астахов в завершение разговора, когда он в общих чертах обрисовал Басаргину с Тобако ситуацию с учениями. – В эти силы войдут два взвода международных сил – американцы и англичане, но основную работу, естественно, придется выполнять «Альфе», как гостеприимному хозяину...

– Я догадываюсь, товарищ генерал, – вздыхает Тобако, – что, в соответствии со сложившейся международной обстановкой и учитывая историческую символику, противная сторона должна иметь своим символом зеленый цвет...

– Естественно... Хотя были предложения назвать их «красными»... Потом решили, что «красные бригады» действуют только на территории Италии, а у нас красный цвет ассоциируется несколько с другим понятием... Это может кого-то обидеть...

– В свое время эти «кто-то» тоже не чурались террора... – хмыкает Тобако. – И у них он назывался именно «красным» в ответ на несуществующий «белый», придуманный, чтобы обозвать так стремление собственного народа к самозащите...

– Сейчас ситуация не та... Но вернемся к сегодняшнему дню и к конкретике. При нынешней постановке вопроса ситуация осложняется тем, что учебная вводная у нас пока единственная – мы имеем агентурное донесение о том, что в Столбове готовится террористический акт на основном производственном объекте – реакторе ядерного центра. И больше никакой зацепки... При таком варианте мы в состоянии только усилить охрану объекта и не можем проводить никакие профилактические меры...

– Почему не можете? – не понял Тобако.

– Потому что мы даже не знаем, кто будет исполнять роль «террористов». Предполагается максимально приблизить учения к естественной обстановке. Есть подозрения, что будут использованы какие-то подразделения из Чечни, хотя это вовсе не обязательно. Но в естественной обстановке мы имеем возможность проводить разведывательные мероприятия и через спецназ ГРУ, и через собственную агентуру, и через вас, и через органы МВД... Здесь же мы этой возможности лишены...

– Да, это существенное осложнение, – соглашается Басаргин, вызывая генерала на дальнейший разговор, он понимает, что пригласили их не исключительно для того, чтобы выслушать уже известную информацию. – Вам можно только посочувствовать...

– Этого, признаюсь, мало... – генерал выдерживает паузу, во время которой заглядывает в глаза обоим интерполовцам. – Я хотел бы в самом деле приблизить условия к реальным, то есть работать, как это бывает в действительности, когда мы делаем общее дело, вместе с вами. Не привлекать вас в общую операцию, поскольку у вас своих забот хватает, но иметь возможность пользоваться вашей агентурной сетью... Естественно, не напрямую, а через вас... Если что-то... кто-то... где-то... Могу я рассчитывать на информационную поддержку?

– Безусловно... – соглашается Басаргин, внимательно рассматривая портрет Дзержинского на стене. Что-то новое в интерьере кабинета, хотя это новое, по сути, является только возвращением к старому, к временам, когда сам Басаргин был еще лейтенантом и служил в этом же здании. – А когда намечается начало учений?

– Через шесть месяцев... То есть... Учения уже, можно сказать, начались, если мы включились. Думаю, противник тоже строит планы. Но завершающий этап – через шесть месяцев. Через шесть месяцев «террористы» должны «захватить» машинный зал ядерного реактора.

– Время еще есть... И для вас, и для «противника»... – устало вздыхает Тобако. – Если со стороны агентуры появятся сведения, мы обязательно поставим вас в известность... Обещаю...

Обещать Андрей может спокойно, потому что поступившие уже сведения пришли не со стороны агентуры, следовательно, их можно не передавать. Басаргин филологическую тонкость Тобако улавливает и коротко улыбается. Генерал на формулировку внимания не обращает. Не зная сути, ему трудно ориентироваться в игре слов. И продолжает:

– Но и это не самое главное. У меня к вам еще одна просьба, и очень серьезная... Привлечь вас полностью к учениям – а я признаюсь, что такие предложения поступали, поскольку учения международные – мы не можем. Это означало бы оголить еще одну сторону в настоящей антитеррористической деятельности. Поскольку наши силы будут довольно существенно заняты проведением учений, мы не сможем обеспечить безопасность по целому ряду профилактических направлений, которые уже прорабатываем. И поэтому я хотел бы передать вам кое-какие материалы... При этом будем считать, что к вам просто пришли агентурные данные... Это, как вы понимаете, обычная текучка, и нет никакой гарантии, что она выльется во

что-то серьезное. Если серьезное будет намечаться, естественно, вы сразу включаете нас «на полные обороты»...

– Договорились... – соглашается Басаргин. – Это все нормальная работа. Плохо другое... У нас несколько человек должны, согласно плану переподготовки личного состава, отправиться на обучение во Францию. Мы еще не знаем, сколько человек и когда... Но в любом случае постараемся помочь вам оставшимися силами...

– Вот и отлично! Все документы уже подготовлены и ждут вас у капитана Рославлева. Он специально подобрал для вас и кое-что добавил, чтобы внести ясность...

– Мы зайдем к нему...

Генерал поднимается, чтобы пожать интерполовцам руки в знак будущего союза и окончания текущего разговора. Оба они почему-то стараются смотреть в окно, а не в глаза Владимиру Васильевичу. В это время стучат в дверь – Астахову приносят на подпись какие-то документы, и он не имеет возможности обратить внимание на странное поведение гостей...

* * *

– Без меня вы завалитесь на первой же проверке... Вам всем для гражданской действительности суровой авторитетности не хватает... Разгильдяйской, скажем так, крутизны... Вы там, в своей Чечне, совершенно оторвались от реальной жизни...

Доктор Смерть тоже желает принять участие в предстоящих учениях, и потому голос его звучит весомо и убедительно. Но спецназовцы брать его в свою компанию упорно не желают, хотя отлично знают умение Доктора Смерть быть необходимым в боевой обстановке.

– Если хочешь, мы будем тебя держать в качестве мозгового центра... – единственное, что предлагает Сохно. – Будешь сидеть на этом же телефонном номере и по совместительству работать на нас... Но для оперативной и уж тем более конспиративной работы ты слишком заметная фигура... Тебя за три квартала среди небоскребов видно... А уж в таком заштатном городишке, как Столбов, – станешь бронзовым памятником вождю, и тебя с площади не выпустят...

– Первый раз в жизни чувствую ущербность из-за собственного роста... – сетует Доктор Смерть. – Но и вождем быть тоже неплохо... Бронзового никто не заподозрит...

– Рука устанет! – сетует подполковник. – Представь! Постоянно стоять с поднятой рукой и указывать людям путь в «бестеррористическое» будущее...

Доктор вздыхает. Согласие с беспорными доводами только усиливает его желание противопоставить себя им. Он любит бороться с обстоятельствами.

Полковник Согрин уже определил состав: из российского антитеррористического бюро Интерпола он берет в свою «террористическую» группу только стопроцентных спецназовцев – Пулата, Ангела и Сохатого. Доктора Смерть в свой список не вносит, хотя тот в Афгане тоже воевал в спецназе ГРУ, правда, только в качестве майора медицинской службы, а это несколько иная стезя. И опыт наемника в Приднестровье, Абхазии и Боснии в этом случае не идет в послужной список Доктора. Он таким поворотом дела откровенно расстроен, словно ему не доверяют. Тем не менее признает, что фигура он слишком колоритная для того, чтобы его могли не узнать, заметив только однажды.

– Тебе очень сложно маскироваться. Хамелеона из тебя не получится, даже если ты выщиплешь бороду и побреешь голову наголо... – Сохно категоричен. – Потом придется еще и ноги наполовину укорачивать...

Доктор в раздумье подергивает себя за бороду, но выщипывать ее не рвется, потом трогает разбросанные по плечам густые длинные волосы – бриться наголо ему тоже не хочется, тем более это все равно не поможет, потому что укорачивать наполовину ноги он тоже не желает. И только вздыхает в очередной раз.

Последний, оставшийся не у дел интерполовец, бывший чеченский милиционер Зураб Хошиев, в состав группы даже не рвется, поскольку его кавказская внешность может сослужить только плохую службу.

– Может быть, приступим к конкретному обсуждению? – спрашивает Пулат, не дожидаясь конца спора.

– Сначалаждемся разрешения из Лиона, – решает Согрин. – Кроме того, скоро вернутся Басаргин с Тобако... Я почти уверен, что они принесут нам дополнительные вести...

В офис заходит из квартиры Александра Басаргина. Приносит портрет Сохно. Момент почти торжественный. Анатолий, всем на удивление, краснеет, что видно даже под его непроходящим загаром.

– Спасибо... Я надеюсь, что этот портрет не войдет в галерею Интерпола по розыску... Только ума не приложу, куда мне его пристроить... Постоянного жилья я, к сожалению, не имею...

– Вывесим здесь, – решает Доктор Смерть. – Мы должны знать в лицо своих героев!

Сохно скромно не возражает, и Доктор пытается приладить портрет на стене.

– Не надо скотчем... – просит Александра. – Я на картон приклею и рамку сделаю...

Она забирает портрет и выходит. Полковник улыбается:

– Надо же, как похож... Вроде бы и не бандит¹⁰, а ты...

* * *

Портрет, наклеенный на лист жесткого белого картона, взятый в простенькую деревянную рамку, уже красуется на стене, и Сохно, десять минут стоя по стойке «смирно», всматривается в знакомые черты, когда возвращаются Басаргин с Тобако. Они выглядят озабоченными, портрет сразу не замечают, хотя Сохно настойчиво занимает место под ним, давая всем возможность обнаружить сходство рисунка с оригиналом.

– Поступило предложение? – интересуется Согрин.

– Два предложения... – отвечает Басаргин, убирая в сейф папку с документами.

– Первое – статья нашими «противниками»... – предполагает Кордебалет.

– Несколько иначе... – возражает Тобако. – Нас завербовали в «стукачи»... То есть не совсем нас, а только через нас, как через передаточное звено, наших действительных «стукачей». Тем не менее, приняв на себя роль передаточного звена, мы сами автоматически становимся в их доблестный ряд... По крайней мере, рядышком стоим...

– Я рад за вас... – говорит Сохно. – Хотя лично мне такая служба не по душе... Но мне все равно любопытно знать, что именно вы собираетесь на нас стучать?

– Мы собираемся передавать в «Альфу» только то, что передадут нам наши осведомители... Андрей отделался от генерала такой обтекаемой фразой... – Александр, как и Андрей, серьезен. – Я надеюсь, что ваши торные пути с их тропками не пересекутся...

– Это уже легче... – Согрин тоже соблюдает серьезность. Впрочем, он всегда серьезен, даже когда улыбается. – Второе полученное предложение как-то касается нас?

– Только косвенно. Генерал попросил нас в оставшемся составе взвалить на себя некий груз их собственных незавершенных разработок, которые вполне могут оказаться «пустышками». Тем не менее они требуют проверки. Это в связи с широким вовлечением «альфовцев» в учения. Могу, кстати, вас обрадовать... Пока они не подозревают, что «зеленые» будут представлены спецназом ГРУ. И это ваш козырь...

– Наш козырь в другом... – не соглашается Сохно. – Даже если бы они имели наши фотографии и объявили нас во всероссийский розыск, мы все равно сделали бы свою работу...

¹⁰ Игра слов. В других романах серии Сохно имеет в эфире иной позывной.

– А в чем же тогда ваш козырь? – спрашивает Тобако.

– В том, что мы все равно будем действовать неожиданно и так, что они не будут даже подозревать о наших намерениях...

И в знак подтверждения собственной уверенности, Сохно вытаскивает из кармана CD-диск и помахивает им у Тобако перед носом.

– Брокгауз и Ефрон подскажут?

– Тогда давайте посмотрим вместе... Я так полагаю, что вы собираете информацию по городу Столбову...

3

Утром, едва проснувшись, Стас сразу берется за телефон – благо, аппарат стоит рядом с диваном, – только руку протяни, можешь даже и не вставать. Стас в приподнятом, бодром настроении, словно предчувствует что-то большое и значимое, что может перевернуть однообразную скуку его существования. И он готов приложить руку, чтобы это значимое свершилось...

– Слушаю... – отвечает трубка.

– Доброе утро. Мне нужен старший лейтенант Валерьев... Да-да... Станислав спрашивает... – ждет минуту. – Привет... Ну что... У нас все наклеивается, как и планировали... Сейчас? Хорошо. Санька сейчас подниму. Мы до четырех ночи работали... Серега, наверное, под домашним арестом... Без него подъедем... Понял... Понял... Приедем...

И тут же набирает другой номер. Трубку не берет долго. Наконец Санек отвечает.

– Алло... Кто еще...

– Как твоя карета?

– А... Ты... Под окнами мерзнет... А я в постели... Тоже мерзну... Дома холодрыга – совсем не топят... Сейчас психану, пойду в машину греться... Вместе с одеялом...

– Можешь и вместе с одеялом... Но сначала умойся, чтобы за рулем не спать, и ко мне подъезжай... Я Валерьеву дозвонился, он нас ждет...

– Бензин на нуле...

– Я у бабки полторы сотни перехвачу... Заправишься по дороге...

Стас в раздумье ждет с поднятой трубкой минуту, набирает сначала три цифры, чтобы позвонить и Сереге, но машет рукой, не желая нарываться на жену друга. Знает, что сейчас трубку возьмет только она. А он не любит, когда ему высказывают претензии...

Санек подъезжает через полчаса. Сигналил под окнами. Он быстрый на подъем. Умывается почти как настоящий моряк – два пальца под краном намочит, глаза легонько потрет – и готов...

* * *

Машин в это время на улицах уже полно. Едут медленно. Стас ворочается на заднем сиденье, сердито скрипит пружинами, словно может таким образом подогнать медлительную транспортную вереницу. Наконец «копейка» останавливается рядом с двором райотдела милиции. Место неудачное, до тротуара через сугроб по колено в снегу корячиться. А в другом не встанешь – машин много, стоят плотно, водители сами не знают, как смогут разъехаться. И Санек во двор не заезжает – там только «мусоровозы» стоят. Но эти, как всегда, пристраиваются без тесноты...

Он долго возится с замком, закрывая дверцу. Наконец, это ему удается. Проходят через двор. Постучав на крыльце ногами, обивая налипший снег, идут в здание мимо дежурного. Никто их не останавливает. Направо по коридору, почти до конца, потом еще раз направо.

Стучат в дверь знакомого кабинета по правой же стороне и входят сразу, не дожидаясь приглашения.

– Привет... – поднимается навстречу розовощекий, словно красных яблок с детства обелся, старший лейтенант. Он выглядывает через плечо Стаса за дверь, проверяя, кто в коридоре, и плотно закрывает ее. – Рассказывайте, только быстро... И так жду вас, а меня ждет начальство...

– Сегодня все подготовим... Клиенты созрели... Просто сами слезно просят... Готовь на завтра свою бригаду...

– Лидка как?

– А что она... Она давно согласна... Ей что двое, что пятеро – одно удовольствие...

– Что за парни?

– Квартиру только что купили... Деньги, следовательно, есть... Вчера их до дома земляк какой-то подвозил... «Ауди А6»... Машина серьезная... – Санек устраивается верхом на шатком стуле.

– Насчет машины мы в следующий раз подумаем... Сейчас квартира нужна...

– Может, лучше сразу – налом?.. Тогда следов никаких...

– Квартира важнее... Лидку туда поселим, чтобы было где собираться, а уже когда развернемся по полной программе, тогда... Хотя... Там посмотрим... Главное, «сделать» их... Ваша – подготовка... А там уже и мы включимся... Жестко... Давайте сразу время планировать...

– Короче, так... Нашли мы их... Вчера они в ночной клуб забрели... Там пару шалав сняли... Обычно как?.. Тропинка протоптана, по ней и идут... Сегодня туда же двинут... Лидка их там уже будет ждать...

– А если они не Лидку снимут?.. Мало ли там шалав прыгает... Или еще какую-то в привесок притащат? А та не в курсе... Нам лишние свидетели...

Старший лейтенант Валерьев характерно проводит себя ребром ладони по горлу.

– И что предлагаешь? – Стас только сейчас садится, забрасывает ногу на ногу.

Старший лейтенант прогуливается по маленькому кабинету, покусывая мелкими зубами карандаш. Он в этот момент похож на вдумчивого хомяка.

– Добрые дела следует делать днем! – он поднимает карандаш перед собой, словно восклицательный знак. – Соображайте, как днем сработать? Лучше сделать все прямо сегодня, пока наше дежурство... Ближе к вечеру... Я после двух от телефона отходить не буду... Если что, звоните... И Лидку предупредите, чтоб поскромнее оделась... Не как всегда... Шубу старую... Джинсы драные... Пусть снимает этих парней где-нибудь на улице... Или в магазине... Чем они занимаются-то хоть?..

– Ничем, похоже... Приехали, присматриваются...

– Откуда приехали?

– Да кто их знает... Похоже, азеры... Или еще кто-то... Да какая в принципе разница... Главное, что ребята при деньгах...

– Хорошо... На первый раз так и сработаем, хотя это опасно... Но я в паспортном столе договарюсь... Пусть мне сообщают, когда кавказцы или азиаты регистрироваться будут... По прямой наводке работать легче...

– Они ж не живут, где регистрируются...

– Вот и причина для проверки... Детали я продумаю...

* * *

Двухэтажные дома барачного типа тянутся вдоль железнодорожного полотна. Здесь проходит грузовая ветка, рядом «горка» для роспуска составов – обязательная вещь на каждой

узловой станции. День и ночь слышится стук колес на стыках рельсов, тяжелые удары спускаемых с сортировочной «горки» вагонов, переговоры диспетчеров и составителей поездов, сигнальные гудки маневровых тепловозов, характерный железнодорожный шум и звон металла. Зимой и летом на стекла домов оседает черная пыль.

Когда-то, лет сорок назад, эти дома, что называется, реконструировали и из барачков сделали многоквартирными. Тогда люди были и этим довольны. Сейчас за домами никто не следит. Железная дорога, которой пока еще официально принадлежат дома, от них отказывается, пытается спихнуть ветхий жилой фонд городу. Город упорно не хочет принимать жилье, которое практически относится к категории списанного под снос – осталось только оформить это документально. Когда был последний ремонт – жильцы не помнят и не надеются, что он когда-нибудь будет, а коммунальщики в новом ремонте не видят смысла – дома стоят в санитарной зоне железной дороги. Стены год от года ветшают, обваливаются целыми кусками. Кровли текут постоянно. Все потолки на вторых этажах напоминают грозовые тучи с разводами...

Санек выруливает к этим домам. Наклоняется вперед, чтобы лучше видеть. Дорога такая, что застрять немудрено – никто не ездит, следовательно, никто не чистит. А Санек – водитель неопытный, зачем-то часто газует, вместо того чтобы еле-еле трогать педаль акселератора, и колеса пробуксовывают в высоком грязном снегу, образуют ледяную корочку, с которой трудно съехать. Тем не менее пробраться к крайнему дому ему удается. Он останавливается у полуобвалившегося, с мутными разводами по штукатурке торца, вспотевший, словно он своими собственными крепкими плечами двигал родимую «копейку».

– Ну, ты – вездеход... – говорит Стас то ли с ехидством, то ли с восхищением.

В этом пустынном маленьком дворике Санек даже не закрывает машину. Не от кого, да и возиться со сломанным замком не хочется...

– Проснулась хоть она... – не спрашивает, а опасливо предполагает возможный отрицательный вариант Стас.

– Разбудим...

– Не откроет... Ее будить... Сам знаешь как... Бабка выскочит... На всю улицу ора не оберешься... – Стас уже знаком с ситуацией не понаслышке. – Летом раз кипятком нас чуть не обварила... С чайником вылетела...

– Ладно... – Санек обреченно вздыхает. – Идем, что ли...

Они отодвигают – не открывают, а именно отодвигают висящую на одной петле дверь подъезда. На удивление, в подъезде даже горит свет. Поднимаются по деревянной исшарканной лестнице на второй этаж. Стас звонит. Лидка открывает быстро. Словно за дверью стояла. В шикарном ярком халате, яркая, чуть ли не праздничная, она смотрится неуместной в прихожей грязной коммунальной квартиры. Словно случайный человек, просто по необходимости заглянувший с подиума дома моделей. И даже накрашена, как на сцену. Тем не менее скучно смотрит на парней и распахивает дверь шире.

– Заходите... Не разувайтесь в коридоре... Там... – машет Лидка на дверь своей комнаты.

На кухне кто-то гремит посудой. За закрытой дверью не видно, кто.

– Бабка? – шепотом спрашивает Стас, стараясь скорее прошмыгнуть в комнату.

Лидка усмехается и кивает:

– Чайник кипятит...

Дверь она за собой закрывает плотно и даже поворачивает круглую ручку замка.

– Чего пожаловали? Надыбали, наконец?..

Она в курсе всех событий. Более того, сама идея дела первоначально созрела именно у нее в маленькой симпатичной и циничной головке. Сначала вроде бы предложила полушутя. Потом шутка стала заинтересованным разговором с возможностью неплохо зарабатывать в условиях, когда кавказцы и среднеазиаты наводняют российские города, как саранча. Подробности разрабатывали все вместе. Потом чаще без нее, чтобы не сильно зазнавалась и не требо-

вала себе слишком много. Таким образом договорились, что все заработанное делится на равные части. Сама Лидка думала только привлечь парней и с их помощью основательно потрясти черных. Они сообразили, что в доле с ментами дело будет более надежным. Тогда уже можно не просто потрясти, а вытрясти полностью...

– Надыбали... – у Санька голос торжественный. – Таких красавцев...

– Красавцев не надо... Красавцев мне жалко будет... Я мужской пол люблю, за исключением вас... Были бы вы красавцами, и вас любила бы... Мне поносатее подавай, и чтоб по-русски плохо говорили...

– Вот разговаривать с ними пока не пришлось... – говорит Стас. – Но ребята не из самых бедных, и квартиру мы с них сдерем... Ты готова?

– Я всегда готова... – с гордостью говорит она.

Глава 3

1

Статья в интерактивной энциклопедии Брокгауза и Ефрона оказывается довольно подробной, хотя и основательно устаревшей. Естественно, там ничего нет о современном облике города и уж подавно о ядерном центре. Обновления сведений и дополнений интерактивная энциклопедия не предусмотрела.

– Толку от такой информации, похоже, мало... – решает Басаргин, впрочем, без особого огорчения, поскольку он не успел еще стать даже болельщиком в противостоянии «синих» и «зеленых», хотя и оказался слегка вовлеченным в подготовку одной из сторон. – И запросить Лион мы тоже не можем. Нас справедливо обвинят в шпионаже...

– Относительно шпионажа – может быть... А что касается «Брокгауза и Ефрона»... Не скажи... – не соглашается Сохно. – Мне кажется, от этого диска очень много толку... И даже ничего запрашивать не надо...

– Есть мысли? – интересуется Сохатый.

– Мысли к нему еще за столом пришли... – за Сохно отвечает Кордебалет. – Толя обещал, что после первой рюмки у него останутся ненужные мысли и соответственно начнет работать голова... В подходящем режиме... Я так понял, что она заработала в тройном размере, поскольку он принял три рюмки...

– Четыре... – поправляет его Сохно, любящий точность.

– Значит, четыре мысли о возможности активно работать в заданном направлении... – предполагает полковник Согрин лучший вариант.

– Нет... Мысль только одна, но я готов поспорить, что она вчетверо лучше любой другой... – Сохно хлопает Доктора Смерть по плечу, прося освободить место за компьютером. И хотя в одной руке Доктора поместятся две руки Сохно, не сказать, что жест остается Виктором Юрьевичем незамеченным.

Доктор неохотно покидает кресло. Садиться на стулья он не любит из опасения, что в любой момент может свалиться, а стоять при его росте тоже не слишком комфортно, потому что Доктор всегда ощущает, что вот-вот заденет за что-нибудь головой. Но все же встает. Сохно щелкает мышью, отыскивая нужные страницы.

– Вот! – говорит он торжественно. – Смотрите...

Доктор Смерть через плечо подполковника читает статью вслух.

– Ну и что – монастырь? – не понимает Басаргин. – Ну и что – восемнадцатый век?..

– Восемнадцатый век меня интересует мало... – соглашается Сохно. – Сам монастырь интересует постольку-поскольку... Как возможность проявления собственного высокодуховного интереса. Теперь смотрите сюда...

Он открывает систему поиска и набирает имя.

– Никодим Столбовский... – спрашивает Ангел. – Это кто?

– Святой... – объясняет Сохатый, известный знаток всего эзотерического. – Канонизирован только недавно. Был последним настоятелем того самого монастыря. Его большевики расстреляли в двадцать первом году... Говорят, умел читать письма, не раскрывая их... Ходили слухи, что в задумчивости мог левитировать, хотя сам этого даже не замечал... Стоит, думает, и вдруг – плавно парит над землей... До минуты в воздухе висел... В народе прославился тем, что наложением рук вылечивал любую болезнь... Даже тех больных, от которых врачи напрочь отказывались... А в основном такие к нему и приезжали...

– За это и расстреляли... – убежденно говорит Пулат. – Кого-нибудь не того, кого надо было, вылечил или не вылечил того, кого следовало... Или даже – просто за такие слухи... В те времена тотального материализма, помните, даже слухи признавались вредными и подлежали уничтожению...

– Не помню... Но верю... Вот... – Сохно опять привлекает внимание к монитору. – Никодим Столбовский... Похоронен на сельском кладбище недалеко от Столбова... Деревня Березок...

– И что? – спрашивает полковник.

– Я недавно где-то читал, что еще в советские времена эта деревня стала частью города... И к могиле святого Никодима все время идут паломники. Поговаривают, что даже его могила исцеляет от недугов... Это идеальная зацепка для проникновения в запретную зону...

– Что-то в этом есть... – Согрин в задумчивости чешет нос, как боксер перед боем. – И стоит подумать, как найти зацепку... Наверняка этих паломников троекратно «прозванивают»...

– Я даже более скажу... – Сохно цветет, как весенняя яблоня. – К могиле пускают международные паломничества... Я как раз об этом и читал... Какие-то потомки эмигрантов первой волны... Внуки белых офицеров...

– А монастырь сейчас работает? – спрашивает Басаргин.

– Чего не знаю, того не знаю... – Сохно разводит руками и освобождает место за компьютером законному обладателю устойчивого кресла.

– У меня, кажется, появилась мысль... – Согрин задумчиво прогуливается по кабинету. Эта прогулка снова вызывает общую улыбку. Даже всегда серьезный Басаргин улыбается. – Но для ее воплощения мне придется принять в группу еще одного человека из вашего состава...

– Кого это? – спрашивает Доктор Смерть с надеждой.

– Я – пас... – отказывается Тобако. – Против своих я не играю...

Он до сих пор считает «Альфу» своей, забыв обиду, когда его не по своей воле уволили в запас после 1992 года, когда «Альфа» показалась президенту ненадежной и он приказал провести там основательную чистку.

– Я тоже не думаю, что смогу быть полезен... – решает Зураб. – Скорее наоборот...

– А я вообще вне игры... – Басаргин тоже категоричен. – Мне общаться с генералом Астаховым. А я не очень удобно себя чувствую, когда приходится обманывать хорошего человека...

– В итоге остаюсь я один... – Доктор Смерть сияет, как театральная люстра.

– Нет... – улыбается полковник. – Нам, вероятно, будет необходима Александра Басаргина... Доктор, покажи еще раз фотографию святого...

Доктор Смерть, слегка расстроенный странным предпочтением полковника, все же без задержки увеличивает фотографию во весь экран.

– Распечатать?

– Если не трудно...

Доктор открывает еще одну программу, копирует туда фотографию, переводит снимок в другой формат и запускает в печать. Принтер слабо гудит и выдает один за другим три экземпляра портрета.

– И еще статью о Никодиме...

Принтер и с этой работой справляется за секунды.

– Это только начало. Необходимо отыскать всю возможную литературу о святом Никодиме Столбовском. Какие чудеса он мог творить... Все о его чудесах... Шурик, – обращается полковник к Кордебалету, – это на твоей совести... Александр, можно пригласить вашу жену?

Басаргин недоуменно пожимает плечами и выходит. Через минуту возвращается с Александрой, не объяснив ей, судя по ее удивленному лицу, зачем она понадобилась.

– Извините, Саша... – полковник в разговоре выглядит так загадочно, что Басаргина старательно изображает внимание. – Вы не хотели бы на некоторое время стать сотрудником Главного разведывательного управления? Хотя бы внештатным...

– С удовольствием... Слушаю вас...

– Тогда такой вопрос... Это касается вашей профессии... Возможно ли в короткий срок создать несколько рисунков... Скажем, около десятка... Так, чтобы они выглядели сделанными в начале двадцатого или, еще лучше, в конце девятнадцатого века. Технически это сложно?

– Какой техникой?

– Не понял...

– Какой техникой делать? Это холст, масло или бумага, карандаш?..

– Так же, как вы рисовали Сохно... – полковник показывает рукой.

– Ух ты!.. – восклицает Басаргин. – А я и не заметил изменения интерьера... Катастрофически теряю оперативные навыки...

– Никаких проблем, – говорит Александра. – Просто берем несколько рисунков и обрабатываем их в течение нескольких часов под светом яркой электрической лампочки. Чтобы бумага приобрела характерную желтизну... Лучше галогенную лампу, киловаттку, но держать не слишком близко, иначе обгорит. И все...

– Тогда мы сработаемся... Как ваша девичья фамилия?

– Звягинцева.

– На обратной стороне рисунков оставьте автограф... Девичью фамилию... А уж легенду мы для вас придумаем... Французским вы владеете?

– В пределах разговорного... Ну... Могу рекламу прочитать... Газетные заголовки... Но мне легче с японским... Этот язык я изучаю всерьез...

– Отлично... Нам хватит ваших навыков во французском... Скорее всего вам предстоит прилететь с этими рисунками из Парижа... Но нам всем семерым необходимо перед этим тщательно изучить ритуалы русской православной церкви... Я не уверен, что нас вскоре будет принимать сам патриарх, но какой-нибудь большой церковный чиновник примет наверняка... И не должно возникнуть подозрения...

– Я почти понимаю, товарищ полковник, вашу мысль... – говорит Басаргин. – Но ее едва ли понимает Саня...

– И совсем не понимает Пулатов... – добавляет Пулат.

– Ангелов тоже хотел бы услышать подробности, – настаивает и Ангел. – Может быть, они вразумят его...

– Да что тут непонятного... – пожимает плечами Сохатый.

– План только созревает... – предупреждает полковник Согрин. – И потому я обрисую его в общих чертах. Итак, Александра, повторю для вас то, что знают другие... Проводятся учения антитеррористических сил России, США и Великобритании. Место проведения учений – ядерный научный центр в городе Столбове. Роль террористов, то есть «зеленых», отведена спецназу ГРУ. Город закрытый. Естественно, пропуск сотрудникам ГРУ выписывать никто не будет... Нам необходимо любым способом проникнуть в запретную зону. Ваша помощь будет состоять в исполнении роли потомка белых эмигрантов, осевших в Париже. Пусть это будет офицерская семья Звягинцевых. В семейных архивах Звягинцевых много лет хранятся рисунки, выполненные в конце девятнадцатого века вашей родственницей, талантливой художницей, которая имела какое-то серьезное заболевание и была исцелена святым Никодимом Столбовским. После исцеления художница сделала целый ряд рисунков с натуры... Именно – с натуры... В настоящее время вы – потомок автора и сама художник – решили подарить эти рисунки русской православной церкви. Лучше всего монастырю в Столбове, если он сейчас функционирует. Вполне естественно выглядит ваше желание посетить могилу святого и даже сам монастырь, где он был настоятелем. Думаю, православная церковь поможет вам в этом...

Приедете вы, конечно же, не одна, а в сопровождении родственников. Всех шестерых, естественно, взять вы не можете, но хотя бы троих... Для начала этого достаточно. Такая экскурсия не может ограничиться одним днем... Вы же, как легко догадаться, пожелаете и сама сделать несколько рисунков в тех местах... Думаю, трех дней нам вполне хватит для разведки... А там придумаем что-нибудь еще...

– Командир... – серьезно говорит Кордебалет. – Ты рожден быть Суворовым... Стратегия высшего пилотажа...

– Хотя я не понимаю, какое отношение имеет Суворов к современной разведке, и уж совсем не понимаю, какое отношение он имеет к высшему пилотажу, тем не менее я согласен отдать лавры первенства Сохно. Он всего-то после трех рюмок...

– Четырех... – поправляет Сохно сурово и почти с угрозой.

– ...после четырех рюмок явился родителем идеи... Я ее только развил в соответствии с обстоятельствами и возможностями нашего небольшого коллектива...

– Что я говорил... – торжествует Сохно. – Рекомендую почаще мне наливать...

2

В семье Андреевых намечается большой праздник...

Из Сочи звонит дочь Марина. Она редко звонила в последние три года. Не чаще одного раза в два, а то и в три месяца... Больше по праздникам или специально подгадывала к чьему-то дню рождения. Раньше звонила из Казахстана, куда уехала работать по приглашению подруги после института. Но потом, огорчая родителей, из разных городов Казахстана – неусидчивая, трудно ей на одном месте жить, и с работой постоянно у нее не ладилось. Из Сочи звонит только в третий раз – перебралась туда. Сейчас, разговаривая с матерью, сообщает, что жизнь у нее наладилась, она остепенилась, решила, что хватит по разным городам мотаться, и вышла наконец-то замуж. Уже два месяца как вышла...

– Что же ты не сообщила? Мы б на свадьбу приехали...

– Ой, мама, какая свадьба... Мы три месяца так жили... Как все сейчас... Гражданский брак... Потом только зарегистрировались...

– Все равно... – Валентина Леонидовна – мать Марины – немножко обижается, хотя знает, что обидой дочь не прошибешь, она не слишком чувствительная.

– Вот именно, все равно... Скоро увидимся...

– Увидимся?

Марина с мужем собираются приехать в Столбов. Мужа зовут Ширвани, а по-русски можно звать просто Мишей. Он нагайбак по национальности. Есть на Урале такой народ – нагайбаки. На Урале Марине делать нечего, ее туда не тянет, а вот в Столбов... Может быть, насовсем... Жилья своего у них в Сочи нет, и купить возможности не предвидится... Там такие цены... В Москве таких не бывает, а в Столбове и быть не может... Надо как-то устроиться, пора уже... На квартиру в Столбове у них наберется... Поинтересовалась, как в Столбове с работой? Можно ли будет что-то подыскать для мужа?

– С приятелями-то Ивана Александровича подыщем... – обещает Валентина Леонидовна. Она любит звать мужа в глаза и за глаза по имени-отчеству. Ей всегда кажется, что это вызывает больше уважения. – Он кто у тебя по профессии?

– В милиции служил... Во вневедомственной охране...

– У-у... И без приятелей подыщем... В милицию сейчас не больно-то и идут... Пришли данные для пропуска... Хотя сейчас это быстро делается... За три дня...

– Я пришлю... Или позвоню... Пусть отец номер факса сообщит, куда можно прислать... Так быстрее будет...

– Я скажу...

Марина сама знает, как изменилась жизнь в Столбове. Еще до ее отъезда изменилась. Раньше пропуск даже для близких родственников больше месяца оформлялся. Сейчас для простых знакомых мигом делают. А если приплатишь, все в один день успеют... Но отец не любит такие вещи... Он приплачивать никогда не будет. Но ему и просто так сделают быстро. Исключительно в знак уважения к бывшей должности. Марина знает, что отца в городе любили и до сих пор вспоминают добрым словом, хотя его положение совсем не такое, как прежде. Прежде у них и дома факс стоял, и сразу несколько телефонных аппаратов, часть из которых имела прямую связь с Москвой, и даже московские номера. Сейчас – нет.

– Сама-то куда пойти думаешь работать?

– Сама я пока лечусь... Может быть, чуть позже, в школу устроюсь...

– Учителям сейчас платят мало...

Это Валентина Леонидовна хорошо знает, потому что сама до пенсии учителем работала. И сейчас в школу часто заходит, просто поговорить о жизни...

– Папа когда дома бывает?

– Вечером всегда дома...

– Мы вечером позвоним... Сегодня... Миша с ним поговорить хочет...

– Я предупрежу... Как у тебя со здоровьем?

– Как раньше... Неважно...

– Лечишься-то хоть всерьез? Или как всегда? – У дочери больные почки, и Валентина Леонидовна хорошо помнит об этом. Всегда за ее здоровье переживает.

– Лечусь всерьез... Лекарства надоели... Каждый день... На одних лекарствах...

– Приезжайте скорее, мы ждем вас...

Валентина Леонидовна после разговора сразу звонит на работу мужу. Пусть он и вышел на пенсию, пусть и расстался с прежней должностью главного инженера градообразующего предприятия, но с ядерным центром распрощаться не сумел. И сам не захотел, и не отпускали его. Специально для Ивана Александровича должность новую придумали – старший специалист по перспективному проектированию. И работает, хотя возраст приближается уже к семидесяти.

Иван Александрович предстоящему приезду дочери так радуется, что обещает сразу же приехать домой, словно Марина может добраться до дома уже сегодня. Правда, «сразу же» в нынешние времена совсем не такое, как в прежние, когда его на персональной машине привозили. Сейчас городским транспортом добирается. А это минут сорок, а то и добрый час...

* * *

Марина кладет трубку и глазами побитой собаки смотрит на Ширвани. Ждет обещанного.

Он смотрит на часы, качает головой:

– Ты же до вечера не оклемаешься...

– Оклемаюсь... Сделай... Мы поздно позвоним... Отец всегда поздно ложится...

Ширвани вздыхает, смотрит на Марину глазами доброго дяденьки, понимающего дикий собачий голод, и открывает небольшой переносной сейф. Там у него приготовленный шприц. Марина уже перетягивает себе поясом от халата руку выше локтя, чтобы выступили вены. Ширвани заглядывает ей в глаза и видит в них такое блаженство, словно он уже ввел наркотик. Марина «плывет» только от одного предчувствия. Когда-то очень давно, еще в советские времена, Ширвани работал в одном учреждении и занимал кабинет вместе с тихим хроническим алкоголиком. Этот человек в обеденный перерыв обязательно бегал в магазин за бутылкой вина. Ставил ее в рабочий стол и начинал разговаривать. Он мог так разговаривать и час, и два, пьянея уже от одного того, что в столе его ждет открытая, но пока не тронутая бутылка.

Еще тогда Ширвани понял, что опьянение от одного ожидания выпивки – это первый признак хроника. То же самое происходит с Мариной. Она – наркоман-хроник...

* * *

– Отдыхай... – он легонько треплет ее по голове. Странно самому – такое движение... Вроде бы почти с нежностью или, по крайней мере, с дружелюбным участием. Пусть бы этот жест был нужен для дела, нужен для того, чтобы ей что-то показать, с конкретной целью. Но она сейчас полностью невменяема, ничего не соображает, и ей все равно, гладят ее по голове или бьют молотком... А он делает это... Для себя... Наверное, просто привык к ней за два месяца...

Ширвани ждет, когда Марина совсем «вырубится». Это недолго... Пару минут... Наблюдает за тем, как затягивается пеленой живущий отдельно от тела взгляд... И только после этого Ширвани выходит за дверь и спускается по крутой деревянной лестнице.

Круглое, как иллюминатор, окно на лестнице показывает ему темное зимнее море. Волны колышутся, безостановочной чередой надвигаются на берег. За стеклом гуляет сырой порывистый ветер. Уже неделю длится непогода, снег перемежается дождем, и тугой ветер не оставливается, не замирает...

Ширвани и летом-то не любит море, а зимой подавно. Летом липкая влажность воздуха утомляет и отнимает силы. И нестерпимо хочется в горы, ближе к дому, к очагу, выложенному из природного камня собственными руками. Но в родном селе его давно ждут с наручниками. Село большое, и не все так же относятся к настоящей жизни, как он. Обязательно найдется предатель, который укажет на след. В свое время Ширвани успел уменьшить количество предателей в родном селе. Но не вывел это подлое племя совсем... И потому его сейчас там ждут... Тем не менее он уверен, что когда-нибудь, может быть, очень скоро, он обязательно вернется домой. Хотя бы для того, чтобы умереть там... Он даже и на это согласен, но хочет, чтобы смерть застала его дома, а не где-то в Москве или в Штатах, и даже не в Сочи... Дома... Там и только там можно почувствовать свое единение с небом...

Длинная лестница кончается слегка скошенной ступенью. Все обитатели к этой ступеньке привыкли и перешагивают через нее, чтобы не упасть. Только Марина всегда наступает и спотыкается. Правда, упала только в первый раз. Но все равно наступает. Она всегда повторно «наступает на грабли». Характер такой...

Первый этаж этого неуклюжего дома, построенного на крутом склоне, спланирован очень неуклюже. Казбек Ачилович Ачилов, только три дня назад вернувшийся из Москвы, сидит за круглым столом в большой комнате непонятной формы – это отнюдь не квадрат и не прямоугольник, две стены параллельны, но имеется еще три стены, расположенные под непонятными углами. И стол не определяет середину помещения. Здесь вообще нет середины. Оттого в доме неуютно. Кроме того, Ширвани не любит круглые столы. В его понятии стол должен быть прямоугольным и длинным, чтобы за ним могло усесться все большое семейство. А в торце – глава семьи. Так было в доме отца, когда Ширвани был маленьким... Так было в его доме, когда он завел свою семью и жена родила ему четырех сыновей и одну дочь. В тридцать три года он имеет пятерых детей... Это не много... В доме отца детей было больше...

Ширвани заглядывает за плечо Казбека Ачиловича. Тот опять сидит с картой Столбова. Карта космической съемки, предоставленная заказчиками акции, совсем не похожа на те карты, с которыми привык работать Ширвани. Да и сам отставной подполковник Ачилов прежде с космическими картами не работал. Оттого ему и трудно сейчас сориентироваться. Но другой карты нет, и он часами просиживает с этой, присматриваясь и делая пометки для себя. У Ширвани задача более простая. По крайней мере, Казбек Ачилович упростил ему задачу. Остальным, в том числе и самому Казбеку Ачиловичу, будет труднее... Им придется проникать

на территорию запретной зоны скрытно, в условиях, когда приведены в повышенную готовность все силы безопасности. Вернее, час «Х» придет тогда, когда охранники только что расслабятся после повышенной боевой готовности... На этом и построен расчет... Пусть учения идут своим чередом... Пусть спецслужбы обманывают одна другую... Пусть и первые, и вторые номера покажут все, на что они способны... Но они обязаны расслабиться сразу, как только прозвучит сигнал «отбой»... Вот тогда по команде, которую даст Ширвани, в действие и вступят Ачилов с помощниками... В критический момент... Когда никто не ожидает нападения...

Снизу, с улицы, доносится характерный шум двигателя. Ширвани и Казбек Ачилович прислушиваются.

– Приехали? – спрашивает Казбек Ачилович.

– Пора бы уже...

Ширвани подходит к окну сбоку. Это у него уже в крови – никогда не подходить к окну прямо, потому что с улицы может прилететь пуля. И выглядывает из-за шторы, не касаясь ее рукой, чтобы не шелкнулась. Снизу, с дороги, к дому ведет лестница не менее крутая, чем лестница на второй этаж. По лестнице поднимаются люди.

– Да, это они... Автобус... Но... Только шесть человек...

– Так и должно быть... Я приказал разделить их на четыре группы... Чтобы не было так заметно... Толпа всегда вызывает любопытство...

– Когда часто подъезжает автобус – это тоже заметно...

– Да... Но не так бросается в глаза... Мало ли какие дела могут быть у людей... А большая группа привлекает к себе больше внимания...

– Ты – командир, тебе решать... Но мне кажется, что днем, ни от кого не прячась, и большая группа внимания не привлечет... Это не ночь... Ночь – время преступников...

Ачилов не отвечает. Он вносит в карту еще какой-то значок и долго держит на весу красный карандаш, показывая этим свою озабоченность другим вопросом...

3

Кордебалет решает форсировать события и сразу заняться поручением полковника Согрина. Но для этого ему, после нескольких справочных звонков, приходится созвониться еще и с полковником Мочиловым и неофициально договориться, чтобы пропуск в научную библиотеку Московской патриархии ему заказали от ГРУ, поскольку простых смертных, даже очень любопытных офицеров спецназа, туда не пускают. Должно быть, скромное желание подполковника приобщиться к эзотерическим наукам вызывает у кого-то в ГРУ сомнение, поскольку вопрос решается не сразу. Мочилов звонит в офис антитеррористического бюро Интерпола только через тридцать минут и сообщает, что вопрос все-таки решен положительно и без задержек – стоило только обмолвиться парой фраз об антитеррористической направленности поиска, как церковные чиновники выразили горячее желание помочь, даже не поинтересовавшись конкретным направлением самого поиска и его необходимостью. На Кордебалета будет оформлен временный пропуск сроком на три месяца, как только он принесет две фотографии «три на четыре» и зарегистрируется в соответствующем отделе. Выносить литературу из здания библиотеки не разрешается, но в наличии там имеется ксерокс, и есть возможность все необходимое скопировать.

– Спасибо, Юрий Петрович. Значит, остаток отпуска я проведу там... Не теряйте меня...

– Я рад за тебя. Интеллектуальный и моральный отдых после опасной физической работы хорошо разгружает нервную систему. Где будут разгружать свою систему остальные?

– Собираются вас навестить...

– Я жду... Пусть разгружают, попробую помочь...

Кордебалет кладет трубку, осматривает всех и молча выходит в коридор, демонстрируя, что собирается сразу отправиться в библиотеку патриархии и начать трудиться. Проводить его выходят Ангел и Сохно.

– Ты когда в церкви в последний раз был? – с напутственной усмешкой спрашивает Сохно, когда Шурик уже засовывает руки в рукава бушлата.

– Кажется, когда меня крестили... Потом, как-то раз, в музее... Церковь в музей превратили... И больше... И больше не был...

– Сколько тебе тогда было? Когда тебя крестили...

Кордебалет пожимает плечами.

– Наверное, около месяца... Может, два или три... Точно не помню...

– Креститься-то с тех пор не разучился?

– Кажется, так? – спрашивает Шурик, показывая.

– Пальцы не так... – Ангел демонстрирует, как надо держать пальцы. – А ты крестишься, как старовер или как католик. В патриархии этого могут не понять... И запомни, крестишься перед входной дверью, крестишься на образа... Остальное не обязательно, поскольку ты не монах... Переусердствовать в этом деле – тоже нехорошо. Подумают, каяться пришел, и пристанут, не отвяжешься...

* * *

Худосочный служащий патриаршей библиотеки встречает Кордебалета, глядя в пол. Он существенно отличается внешним видом от того, что встретил подполковника в канцелярии и оформил ему временный пропуск. Первый, показалось, никогда не покидает помещения, в котором работает, по той простой причине, что не сможет из-за объемности телес протиснуться в дверь. Второго шатает даже в отсутствие ветра, и Кордебалет старается передвигаться плавно, почти танцую, чтобы не создать опасных завихрений воздуха.

– Вы хотите посмотреть что-то конкретное? – голос у отца-библиотекаря тонкий и ломкий. Наверное, на сквозняке его совсем не слышно.

– Да, я хотел бы познакомиться поближе с жизнью, деяниями и работами святого Никодима Столбовского. Мне сказали, что это возможно только в вашей библиотеке...

Худосочный монашек поднимает внимательный изучающий взгляд на спецназовца и тут же снова смотрит в пол.

– Да, у нас собраны все его труды в период, когда мы по поручению митрополита готовили материалы для его канонизации. Они, кстати, и сейчас все в одном месте. Недавно были неожиданно для нас востребованы...

В голосе монашка отчетливо прослушивается лисья хитреца. Кордебалет, как опытный оперативник, сразу настораживается:

– Востребованы? Кем?..

– По договору о культурном обмене, мы делимся научными данными с Верховным управлением мусульман России. Их заинтересовали деяния преподобного Никодима, и мы с удовольствием предоставили им материалы.

– Вот уж странно... Зачем мусульманам новый православный святой? Я этого не понимаю... – подполковник насторожен, но спрашивает не настойчиво, вроде бы между делом, как спросил бы любой другой – равнодушный в этом вопросе – человек.

– Дело в том, что в духовном наследии, которое оставил после себя святой Никодим Столбовский, есть некоторые философские размышления, не совсем вписывающиеся в традиционный канон православной науки, тем не менее представляющие несомненную ценность. В местности, где располагался монастырь, который Господу угодно было поручить заботам архимандрита Никодима, проживает много татар. Значительная часть из них еще в давние времена

приняла православие и поверстана в казаки. Однако татарское православие в некоторой мере не совпадает с православием русским, точно так же, как русское православие не совпадает с православием греческим, послужившим русскому первоосновой. Как славяне сохранили в значительной степени свои ведические праздники и обряды, включив их в православные обряды и предоставив многим святым черты своих не забытых полностью языческих богов, так и татары не совсем отреклись от магометанства и совмещали традиционные мусульманские праздники с праздниками православной церкви. Архимандрит Никодим отслеживал некоторые характерные черты слияния различных религий и на основе этого делал довольно смелые не только для своего, но и для нашего времени выводы о возможности в будущем слияния если не религий, то хотя бы святых праздников. Вы же знаете, что, например, отец наш небесный Иисус в магометанстве причислен к лику святых пророков и носит там имя пророка Исы. Есть и множество других общих черт, поскольку магометанство, хотя и является мировой религией, все же остается вторичной и даже не входит в число великих как раз по причине своей вторичности...

– Да, я знаю... – неуверенно поддакивает Кордебалет. – Когда-то изучал в университете, извините, научный атеизм... Мне трудно судить, насколько он научный... Тем не менее не понимаю, чем могут заинтересовать работы святого Никодима мусульман.

– Даже мусульмане признают святость архимандрита Никодима. Он лечил людей, невзирая на их принадлежность к вере. Вернул к жизни и многих мусульман. Он вообще был просвещенным человеком и хорошо знал не только Священное Писание, но и Коран. Как раз это помогло ему написать несколько любопытных работ, синхронизирующих события двух религий. Именно его изучение отношений между христианством и магометанством и интересует современных исламских философов. Мы получили письмо из канцелярии управления мусульман России с просьбой предоставить доступ к сокровищам нашей библиотеки двум ученым имамам и не могли отказать им в таком благом деле...

– Вам прислали письмо по почте?

– Нет, его привезли сами те два исламских имама, которые непосредственно работали с рукописями. Такие письма трудно доверять почте, да это как-то и не принято.

– А вы имеете перечень рукописей, которые их интересовали?

– Конечно... Но – пройдемте в саму библиотеку. Я попросил выделить для вас келью, чтобы никто не смог помешать вам продуктивно работать...

Уже в келье, когда туда приносят книги и просто папки с отдельными листами, исписанными ровным каллиграфическим почерком, Кордебалет снова возвращается к интересующему его вопросу.

– Вы не можете сделать мне копию того письма из управления мусульман России? Возможно, имамы работают над той же темой, что и я. Мне было бы интересно встретиться и с ними...

– Конечно. Нет проблем... Ксерокс у нас есть...

Теперь монашек короткое мгновение смотрит в глаза Кордебалету. Он уловил его заинтересованность, и глаза отражают некоторое беспокойство.

– Еще вопрос... Я оформлял пропуск... Одну фотографию наклеили на пропуск – куда идет вторая?

– На карточку учета...

– Ученые имамы проходили такую же процедуру?

– Конечно... Это обязательно... У нас хранятся не только книги, но и ценнейшие рукописи, не подлежащие никакой финансовой оценке – настолько они драгоценны. И мы обязательно фиксируем каждого посетителя. С этим у нас порядок...

– Мне необходимы копии с карточек учета имамов... Желательно, чтобы это была не ксерокопия, а сканирование... Это возможно сделать?

Худосочный библиотекарь поднимает на подполковника глаза в немом вопросе. Хочет что-то спросить, но не решается.

– На всякий случай... – говорит Кордебалет успокаивающе. – Хочу посмотреть на эти лица... Вдруг возникнет необходимость встретиться...

– Я сделаю...

* * *

Мочиллов молча слушает, как полковник Согрин в общих чертах обрисовывает возникший план. У него уже были подготовлены собственные соображения по поводу простой и чисто силовой акции, какие проводят отряды боевиков, не слишком способных на длительную и тщательную подготовку, на выверение хитроумных многоходовых планов. И Юрий Петрович даже высказывал свои соображения руководству. Но предложение Согрина выглядит, как охотно признает Мочиллов, более интересным, хотя и сложным с технической стороны. О чем он тут же и говорит полковнику, предлагая рассмотреть собственные сомнения не как возражения, а как деловую детальную проработку его предложения. Такая проработка – дело обычное на подготовительном этапе любой операции.

– Я согласен, что подобное проникновение в Столбов позволит вам присмотреться к обстановке и действовать более осмысленно. Но условия учений предполагают максимальное приближение к действительной обстановке. То, что по силам организовать такой мощной структуре, как ГРУ, не всегда может оказаться по силам террористам... Необходимость множества документов, нужных для проведения такого мероприятия, признаюсь, меня смущает... Мне кажется, что мы здесь просто слегка «пересолим» ситуацию. Это вызовет возражения у командования.

– Юрий Петрович, ты уж извини, но давно пора смотреть на террористов иначе. Это не доморощенные хулиганы – я сам столько раз там, в Чечне, держал в руках разные документы. И у меня не возникало никакого сомнения, что документы принадлежат тому, кто их предъявляет... Документы сотрудников чеченской милиции, службы безопасности президента Чечни, ФСБ Чечни и другие подобные, позволяющие носить при себе оружие... Мы тут же связывались с указанными организациями, выясняли, что такие сотрудники там действительно есть... А потом оказывалось, что боевики используют настоящие фамилии, но вклеивают в документы свои фотографии... В полевых условиях невозможно точно узнать, с кем имеешь дело... А сами документы выполнены на высшем полиграфическом уровне... Может быть, даже более высоком, чем настоящие... Я могу с полной уверенностью в своей правоте доказывать, что материально-техническая база, работающая на террористов, находится вовсе не в подвале какого-нибудь развалившегося здания в Грозном или в Гудермесе, не в горной пещере, исследовать которые большой мастер подполковник Сохно, а принадлежит определенному, достаточно богатому человеку или даже государству, и оснащена лучше, чем многие российские полиграфические предприятия. Террористы имеют возможность подделать любые документы...

– Точно... – смеется Сохно. – Месяц назад задержали молдаванина-наемника с моими данными... Только тогда прокол вышел – я уже получил подполковника, а документы были на майора Сохно... Спецназ ГРУ, естественно... Слухи к боевикам доходят с опозданием... Еще и случай помог – на КПП стояли парни, которые знают меня в лицо... Им даже звонить никуда не пришлось...

– Было дело... – кивает Согрин. – Наемник оказался бывшим офицером милиции из Кишинева. Проходил по федеральному розыску...

– Жалко, я с ним так и не встретился... – Сохно потирает о ладонь сильный кулак с деформированными от частого применения суставами. Жест для тех, кто Сохно знает, весьма даже впечатляющ...

У Согрина звонит мобильник. Полковник смотрит на определитель номера.

– Слушаю, Шурик... Так? Так... Понял... Хотя это, скорее, данные для Басаргина и для Астахова... Но – пока не торопись... Показывать Астахову наш интерес к святому Никодиму – это значит провалить учения... Ждем тебя с письмом... У нас еще есть время... Доработай там и выжми все, что сможешь, для Александры... Именно по периоду конца девятнадцатого века, вплотную к двадцатому... Когда освободишься? Хорошо... В семнадцать ноль-ноль встречаемся у Басаргина...

Согрин убирает трубку и смотрит на Мочилова победителем.

– Непредвиденные препятствия, Игорь Алексеевич? – Мочилов ждет комментариев. Если данные предназначаются для генерала Астахова и Басаргина, то они всегда обещают осложнения.

– Возможно... Пока только подозрения, которые следует проверить, но проверить их следует не силами антитеррористического подразделения ФСБ, а исключительно своими, плюс силами Интерпола...

– И что?

– Похоже, кто-то, кроме нас, идет по тому же следу...

– То есть?

– С письмом из управления мусульман России в библиотеку патриархии приезжали два ученых имама и интересовались житием святого Никодима... Всем, что с ним связано.

– Ни хрена себе... – кашляет в кулак Сохно. – Значит, началось... И всего-то после четырех рюмок... Нет... Пора начинать основательную пьянку...

Взгляд Согрина останавливает мечтания подполковника...

Глава 4

1

Полковник Согрин с подполковником Сохно приходят к интерполовцам первыми.

– Шурик, вижу, еще не прибыл... – Согрин окидывает взглядом комнату и останавливается на портрете Сохно, что по-прежнему украшает стену там, где в советских учреждениях красовался портрет Ленина. Сохно же, в отличие от своего командира, сначала смотрит на свой портрет и только потом окидывает взглядом комнату.

– Звонил... – отвечает Доктор Смерть.

– Дело в том, что он собирается подкинуть вам информацию...

– Мы уже в курсе... – прерывает полковника серьезный Басаргин. – Шурик по факсу перебрал нам письмо. Фотографии имамов принесет лично. Зураб, как правоверный мусульманин, уже отправился в управление мусульман проверять подлинность письма. Но у меня в связи с этим делом сразу возникает вопрос...

– Я даже знаю – какой... – невесело усмехается Согрин. – Генерал Астахов...

Басаргин кивает.

– Вы сами должны понимать, что это даже не вопрос человеческой порядочности... Хотя я понимаю, что, вводя генерала Астахова в курс дела, мы срываем выполнение прекрасного и неожиданного плана учений, чем весьма расстроим подполковника Сохно – автора концепции. Это вопрос государственной безопасности и эффективной антитеррористической работы.

Согрин только потирает подбородок и смотрит на Сохно.

– А кто сказал, что мы не сможем справиться с антитеррористической работой без «Альфы»? – спрашивает Сохно. – Вы уже справились сами, и не однажды... А вместе с нами справитесь с большей гарантией...

Басаргин вздыхает:

– Я с удовольствием подниму репутацию своего подразделения, справившись с подобной серьезной задачей. Беда в том, что нас не пустят на объект... Как и вас...

– Но мы-то туда все равно проникнем... – смеется Сохно. – Точно так же можете проникнуть и вы... Не понимаю, в чем проблема?

– Проблема в том, что любая ошибка может обернуться громадной трагедией. Недопустимо превращать антитеррористическую деятельность в игру – повезет или не повезет, сумеем или не сумеем?... Необходимо включать все силы и действовать с наибольшей эффективностью...

– Конечно, – Сохно согласен. – Именно потому я и говорю, что мы сумеем... Мы все силы включим, что не всегда бывает даже в самой серьезной обстановке... Мало кто в действительности знает, что это такое...

– Не торопись, Толя... – Согрин тоже в сомнениях. – Здесь нельзя смотреть на вещи однозначно... Ни с той, ни с другой стороны... Я только предлагаю не суетиться и все тщательно продумать... Если мы сможем справиться своими совмещенными силами – будем справляться. Если не сможем, будем объединяться с условным противником и действовать сообща против противника безусловного. Главный вопрос при этом, как я понимаю, звучит именно так – хватит ли у нас сил на самостоятельную работу? Как бы мы собой ни гордились, как бы ни желали защитить честь мундира – а обязаны признать, что у «Альфы» возможностей гораздо больше, поскольку «Альфа» имеет хорошо отлаженный аппарат, специализирующийся как раз на этом виде деятельности.

– Но мы-то смогли бы обойти этот аппарат стороной... – не согласен Сохно. – И террористы, если те имамы в самом деле имеют отношение к террористам, тоже смогли бы его обойти...

– В том-то и сложность антитеррористической деятельности, – добавляет Басаргин, – что никогда не знаешь, откуда и кем, в какую сторону будет направлен очередной удар... И этот удар следует угадать, предвидеть...

– Но в данном-то случае они его не предвидят!

– А мы этого не знаем... – смеется Доктор Смерть. – Может быть, они тоже этот путь контролируют...

– Я даже не удивлюсь, если узнаю, что под видом имамов в поповскую библиотеку пожаловали ребята из «Альфы»... – добавляет Тобако. Как бывший «альфовец», он всегда готов отдать антитеррористам лавры победителей.

– Давайте не будем делать скоропалительных выводов... – предлагает Согрин. – У нас слишком мало данных, для того чтобы судить обоснованно.

– А это мы сейчас узнаем... – говорит Доктор, глядя на определитель номера подающего сигнал телефонного аппарата и включая спикерфон, чтобы разговор было слышно всем. – Что нового, Зураб?..

– Боюсь вас расстроить... Письмо действительно зарегистрировано в управлении...

– Значит, имамы настоящие?

– Не знаю... Здесь не все однозначно и понятно. С просьбой о допуске в библиотеку патриархата в Верховное управление мусульман России обратилась научная конференция по исламской геополитике... Это постоянно действующая международная организация. Располагается в Саудовской Аравии, в Эр-Рияде, при всемирном исламском университете. Но в управлении нет данных о том, что имамы, упомянутые в письме, прибыли в Россию. Более того, никто не припомнит, чтобы письмо выдавалось кому-то на руки, хотя оно было подготовлено и подписано. Сегодня уже поздно, и на месте нет человека, который может это проверить. Меня просят прийти завтра. Мы можем подождать до завтра?

– До завтра мы подождем... – говорит Басаргин, наклонившись к аппарату.

– Тогда я сейчас приеду...

– Подожди... А в управлении есть в наличии письмо конференции?

– Есть... Я сам видел... На арабском языке... Но прочитать я не смог... Арабский не знаю...

– Можно сделать перевод?

– Хорошо. Я попрошу сделать... Привезу...

– Ждем тебя...

Доктор Смерть отключает спикерфон.

– Вот так... А мы уже начали суетиться и искать спасения под крылышком генерала Астахова. А вопрос, возможно, решается просто, и никаким терроризмом здесь не пахнет...

– Запроси Лион... – не слушая Доктора, просит Басаргин. – Все данные о научной конференции по исламской геополитике. По Эр-Рияду у них должно быть основательное досье... И вообще, что-то я про эту конференцию слышал...

Доктор пожимает плечами и сразу начинает стучать по клавиатуре. Его особое усердие показывает, что Доктор слегка недоволен, в результате чего, учитывая толщину его пальцев, обычно страдает клавиатура.

– Странно... Меня сразу переадресуют в базу данных... – говорит Доктор, отрываясь от клавиатуры и взлохмачивая затылок. – База на французском языке... Андрей... Твоя работа...

Доктор выбирается из своего любимого надежного кресла, уступая место Тобако как признанному полиглоту. Даже при том, что он традиционно не любит расставаться со своим креслом, сейчас он понимает, что Андрей на его месте принесет больше пользы.

– Почему переадресуют? – интересуется Басаргин. – Что-то новое...

– Я раньше с этим не сталкивался, но слышал... Переадресуют обычно в случае крайней оперативности, когда дело уже стоит на раскрутке... – Доктор пожимает плечами и предполагает: – Жди звонка из Лиона... Сейчас доложат о нашем интересе комиссару Костромину, и Станислав Сергеевич свяжется с тобой собственной персоной... Вопрос двух-трех минут...

Пока Тобако разбирается с базой данных Интерпола, вводит пароль и ждет подтверждения, все сидят в напряжении, потому что любая новая ситуация в Лионе автоматически в состоянии создать новую ситуацию в Москве. Но Доктор оказывается провидцем, потому что телефон спутниковой связи, лежащий на столе, скоро подает свой сигнал.

– Что я говорил? – Доктор протягивает трубку Басаргину. – Комиссар Костромин...

За неимением спикерфона Басаргин включает трубку спутникового телефона на полную громкость, чтобы разговор слышали все. Регулировка звука – приятная особенность спутниковых трубок, и грех этим свойством не пользоваться.

– Привет всем... – начинает комиссар Костромин довольно хмуро. – По вашему первому запросу дан положительный ответ. Пусть парни поучаствуют в международном мероприятии. Подтверждение отправляю шифрсвязью. Что касается второго запроса...

Пауза затягивается.

– Что касается второго?.. – переспрашивает Александр, поторапливая.

– У вас есть какие-то материалы об этой пресловутой конференции?

Доктор показывает на городской аппарат и нажимает клавишу определителя звонков, чтобы высветить на табло номер мобильного Зураба. И даже пальцем показывает. Басаргин кивает, показывая, что он знает.

– Есть одно непонятное письмо в Верховное управление мусульман России... Именно оно нас заинтересовало... А что есть у вас?

Костромин мычит в трубку что-то нечленораздельное.

– Я пришлю вам... Через несколько минут... Мы сейчас как раз занимаемся основательной проработкой этих парней... На предмет связей с... Сами догадываетесь, с кем...

Раздается звонок в дверь. Ангел с Пулатом выходят, чтобы открыть.

– Я недавно где-то слышал об этой конференции... – продолжает Басаргин. – Не могу вспомнить, где, и не могу вспомнить, по какому поводу...

– Именно они первыми выпустили зеленую карту мира... Ту самую, где половина России окрашена в зеленый цвет и входит в панисламистское государство. Они же планируют мирное заселение Франции арабами с тем, чтобы в последующем превратить ее в исламское государство. Они же в перспективе планируют выделение исламских штатов-эмиратов в составе США, с тем, чтобы в последующем объявить их отдельным государством. Это они пропагандируют повышение рождаемости в мусульманских семьях, особенно в беднейших странах, с последующей эмиграцией молодежи в указанные регионы при финансовой поддержке конференции, чтобы таким образом ислам стал первоначально распространенной, а потом главенствующей и объединяющей силой в мире. Таким вот образом два года назад молодежь целого племени из Нигерии была отправлена на жительство во Францию. И Франция со своими либеральными законами никак не может с этим бороться. Вот такие дела... К сожалению, все эти устремления конференции вовсе не относятся к разряду шуток, хотя многие из них носят благой характер, а многие не могут быть приемлемы ни для одной цивилизованной страны мира... Но сегодня уже значительная часть из перечисленного мной постепенно обретает черты реальности. Этим создается угроза перераспределения влияния во всем мире. А это чревато непредсказуемыми последствиями...

– Это проходило по сводкам. Я помню эту карту... Только все эти идеи панисламистского всемирного государства, насколько я помню, формировались не на одной какой-то конференции, а во многих, часто противостоящих организациях...

– Конференция объединила различные течения, свела усилия и помыслы в единую реку...

– Но я слышал о ней в другой связи... Причем мимоходом, но название в памяти осталось. Будет хоть какая-то зацепка, я обязательно вспомню...

– Да, если вспомнишь что-то дельное, сообщи сразу. У нас к конференции повышенный интерес. И сообщи, что там за непонятное письмо?

– Сейчас Зураб принесет перевод. Письмо пришло с просьбой оказать содействие в установлении связей с Московской патриархией...

– Что-то совсем новое... Зачем им такая связь? Это не подвох?

– Мы боимся, что подвох... Вернее, разведка для проведения крупнейшего по своим масштабам террористического акта. Я обязательно перешлю данные и прошу их проверить...

– Жду...

В квартиру входят Кордебалет вместе с Зурабом – добрались одновременно, хотя были в разных концах города. Ангел с Пулатом изображают гостеприимных хозяев. Пулат даже не стремится занять свое кресло около двери, явно уступая его подполковнику. Но, прежде чем сесть, и Зураб, и Шурик достают бумаги и выкладывают на стол перед Тобако, занявшим место Доктора. Андрей продолжает работать в базе данных Интерпола, а Доктор просматривает бумаги.

– Значит, господа, это все-таки наша работа... Мне почему-то так кажется...

– Что?.. – спрашивает Согрин.

– В письме конференции говорится совсем не о тех людях, которые работали в библиотеке... Конечно, они могли заменить одних имамов на других... Так сказать, в рабочем порядке... Однако мне кажется, что так в официальных кругах не делается...

– Мне тоже так кажется... – кивает Кордебалет. – И еще многое кажется...

2

Снег идет и идет. Сырой, мягкий, липкий... И небо все тучами заложено – солнцу не пробиться, просвета не углядишь. Во дворе мальчишки катают снежный шар – снежную бабу, наверное, собираются лепить. Шар большой, и катиться не желает, обрастая все новым и новым снегом, наращивая массу, неподвластную детским рукам.

Заваливает и стекла машины. Саньку приходится чаще обычного включать «дворники». Они уже обговорили все детали, стараясь предусмотреть все, что может произойти, хотя много вариантов им и в голову не приходит – опыта в проведении таких дел нет ни у кого.

Но Лидка свое дело знает, и за ней даже присматривать, похоже, особо не надо будет. Остается одно – благополучно дожидаться момента, когда гости с Кавказа проснутся после веселой ночи и отправятся по своим делам, и тогда выискать подходящий момент. Должны же у них, в конце-то концов, быть дела. Ведь не просто для того, чтобы по ночным клубам поболтаться, они приехали в этот город. Не ближний все-таки свет...

Это происходит около двух часов дня. Кавказцы выходят – без шапок, с поднятыми воротниками курток и с головами, старательно втиснутыми под эти воротники – мерзнут, резкое изменение климата не каждому гостю по душе...

– Твой час настал... – тихо смеется Стас. – Пора работать...

И треплет Лидку по коленке. Выше рукой не лезет – настроение рабочее, и не стоит расслабляться. Она на этот жест внимания не обращает, привычная. Сидит, смотрит в окно с легким возбуждением в глазах.

– Да, мальчишечки симпатичные, жалко их... – Лидка тоже сухо смеется. У всех в горле слегка пересохло – волнуются. Но вместе с тем смех ее выглядит слегка злобным, хищным. Так, наверное, кошка над пойманной мышкой посмеивается. Лидка всегда была хищная и цинич-

ная, и даже парни порой ее побаиваются. Не то чтобы всерьез, но про осторожность не забывают – всегда может сказать что-нибудь там, где следует молчать, и повести себя не так, как ожидаешь, в самом неподходящем месте. Одним словом, в бабку свою пошла... Которая с кипятком любит гостей встречать... – Ну, ладно, с кого-то начинать надо. Пусть уж эти будут... И то лучше, чем нет никаких... Давайте за ними... Потихоньку... Проверим, куда двинут...

Кавказцы идут торопливо, и, похоже, не только потому, что южные головы мерзнут. Понятно, что сейчас не время Лидке к ним «подкатывать» – сразу может дело сорваться, а вторично попадаться на глаза уже рискованно: могут понять, что против них ведется замысловатая игра. Надо отследить, тщательно отследить и выбрать наиболее подходящий момент, исключаящий любую «осечку».

Санек это понимает сразу, без подсказки, и плавно трогает с места, почти догоняет преследуемых и останавливается, дожидаясь, когда они пройдут дальше.

И так несколько раз...

Направление движения, кажется, определяется...

– На рынок... Торговый, наверное, люд... – делает вывод Стас. – А торговый люд всегда при деньгах бывает... Хорошо... Хорошо...

Он вытаскивает очередную вонючую сигарету, несильно хлопает себя по карманам куртки, отыскивая зажигалку, находит ее и прикуривает.

– Ты когда нормальные сигареты курить будешь?.. – морщится Лидка. – У меня вся шуба провоняла...

И демонстративно потрясывает себя за песцовый воротник нутриевой шубы.

– Когда деньги добудем, тогда и сигареты будут нормальные...

– Да... А сейчас... Наши мальчики от меня шархнуться могут, как от бомжихи... Мех, дубина, все запахи впитывает... Да откуда тебе это знать... – Лидка агрессивно настаивает, но и свои меры принимает – вытаскивает из сумочки флакон с туалетной водой и поливает воротник.

Стас протягивается над ее коленями, крутит скрипучую ручку и приоткрывает окно.

– Не замерзнешь?

Она не отвечает, убирает флакончик в сумку.

Кавказцы входят в распахнутые ворота рынка. Стас с Лидкой провожают их напряженными взглядами. Они оба опять слегка волнуются, но ни один, спроси его, не сознался бы в своем волнении. Стараются держаться уверенно.

– Тормози, извозчик...

Машина здесь же и останавливается, прижавшись к высокому бордюру. Место для стоянки едва находится, потому что на рынок приезжает много людей и все ставят машины как попало. Оттого и припарковаться бывает трудно. Так здесь каждый день, кроме понедельника. По понедельникам на рынке пусто, да и продавцов вдвое меньше...

– Братва... – для Санька Лидка тоже входит в «братву», и она такому определению не противится. – Мы их того, в натуре... Не потеряем случаем? Могут ведь и через другой выход сквозануть...

– Ага... Точно... – Стас выглядывает из машины на дорогу, чтобы через Лидку не перебираться, открывает дверцу и выходит. – Если что, я вам рукой махну, гоните на ту сторону, к другому выходу... А я за ними вперевалочку...

И действительно вперевалочку устремляется в сторону торговых рядов, торопится, боится потерять из виду тех, на ком надеется основательно заработать. Так заработать, чтобы не чувствовать себя больше ущемленным из-за пустых карманов, из-за отсутствия профессии, которая может обеспечить нормальную жизнь, из-за неумения пристроиться, как устраиваются некоторые другие, себя особо не утруждающие, но и забот не испытывающие. Но если все получится, то и он окажется пристроенным...

Санек, у которого стекло в дверце не опускается, просто приоткрывает дверь, высовывает ногу и тоже закуривает. У него сигареты такие же дешевые и не менее вонючие, чем у Стаса. Оборачивается, через плечо смотрит на Лидку и щурится от едкого дыма.

– Ты как, не боишься?

Она щурится:

– А чего мне бояться... С ментовской-то крышей...

Он продолжает не сразу, соображает.

– Это верно... Валерьев прикроет... И не просто прикроет, а сам влезет со своей братвой... Как бы нас вот, боюсь, не отшили... – высказывает он свои опасения. – Ты-то нас не кинешь?

Тон вопроса небрежный, голос ехидно-шутливый, но взгляд напряжен – заметно, что спрашивает Санек о том, о чем не в первый раз думает. А раз думает, значит, в Лидке не уверен, потому что не первый год ее знает.

Лидка фыркает как кошка.

– Посмотрим... Как вести себя будете... А Серега где?

– Вчера допоздна сидели... Караулили... Его сегодня жена под арест, похоже, посадила...

– Нашел себе дуру... Пусть она себя винит... Вот его, раз не работает, кинуть надо... А то прибежит потом, требовать будет...

Санек еще одну паузу выдерживает, потом говорит твердо и довольно:

– Правильно... Пусть себя винит...

Этот вывод тоже отвечает его тайным мыслям...

* * *

Стас появляется минут через десять. Он сначала останавливается у ворот и делает какие-то непонятные знаки.

– К другим воротам, что ли, ехать? – спрашивает Санек у Лидки, будучи не в состоянии понять знаки и не желая принять на себя одного возможную ошибку.

– Не, в ту вроде сторону показывает... – говорит она, решительно открывает дверцу машины и, наполовину высунувшись, пожимает плечами так, чтобы Стасу было видно.

Стас спешит к «копейке» прямо через сугроб.

– Они на вещевого рынок перешли... Там калитка в заборе...

– А здесь что делали?

– Хрен их знает... Вроде как знакомых искали... С одними поговорят, с другими... Как будто спрашивали... Я за ними туда бегу... С вещевого один выход... Ждите там...

И Стас стремительно бежит опять через сугробы, не боясь промокнуть в сыром снегу. Дело того стоит...

Санек переезжает на новое место. Здесь вообще трудно пристроить «копейку» так, чтобы она не мешала проезду. Он пристраивается сначала с краю, потом другая машина настойчиво сигнализирует, требуя дать возможность проехать прямо, и приходится переезжать, перестраиваться. Но на новом месте кто-то пытается выехать, и Санек опять вынужден маневрировать. Одно хорошо, что место освободилось, и он занимает его. Ждут...

Ждут долго... Нет ни пары кавказцев, ни Стаса. Наконец появляется Стас, но идет не к машине – останавливается рядом с воротами и старательно изображает, что он недовольно кого-то ждет.

– Так можно только жену ждать... – смеется Лидка. – Может, его там уже женили?

– На котором из двух?

Кавказцы появляются через пару минут. Только теперь их уже четверо. Все вместе идут к стоянке, садятся в старую «Тойоту» непонятной модели и выбираются на дорогу. Только тогда Стас идет к своим.

– Едем...

Он опять садится с левой стороны – чтобы Лидка была готова в нужный момент выйти и приступить к работе.

– Так и будем весь день за ними кататься? – ворчит Санек, у которого в голове на данный момент одна проблема выглядит наиболее глобальной – где взять денег на бензин.

– Будем... – резко говорит Лидка. – Сколько надо, столько и будем... Рассказывай...

Последнее слово обращено к Стасу.

– Я так понял, что они очень желают с кем-то поговорить, а этот кто-то, похоже, очень себя уважает и на рынке не сидит. У них там своя субординация. И чтобы начать торговать, надо чье-то согласие получить. Ну и, как полагается, заплатить... Восточная, понимаю, традиция... Бакшиш... Или как там это называется...

Санек наконец-то вырывается на дорогу, и «копейка» с дребезжанием набирает скорость, чтобы угнаться за «Тойотой». Дороги в городе чистят лишь изредка – от праздника к празднику, потому такая скорость для «копейки» становится испытанием, которое она выдерживает с великим трудом. Но все-таки умудряется не развалиться.

– Значит, поехали к кому-то... – делает Санек за Стаса окончательный вывод.

– Да, я думаю, к какому-то авторитетному аксакалу лет тридцати... – соглашается Стас.

«Копейка» даже за старой «Тойотой» угнаться не может, потому что и сама не первой молодости, но городские улицы, по крайней мере, дают возможность не отстать безнадежно. Движение интенсивное, и быстро ехать возможности нет даже у современных машин.

В новом районе города они все-таки отстают, но скоро видят «Тойоту», стоящую у подъезда длинного, в целый квартал дома.

– На этой стороне остановись... – командует Стас. – Они к серьезному человеку приехали. А у серьезного человека могут быть серьезные глаза... Лучше, чтобы нас пока не видели...

Но теперь им не приходится долго ждать. Кавказцы выходят. Только вдвоем. Хозяева машины остались в доме.

Теперь гости города, похоже, не спешат. Идут, переговариваясь, вдоль дома. И уже головы не так старательно в воротники прячут, словно настроение у них теперь такое, что позволяет и о погоде забыть...

– Разворачивайся... – решает Лидка. – Высади меня на той стороне... Мне пора работать...

3

– Нам осталось выяснить только маленькую деталь... – говорит Басаргин, – и после этого можно смело заявлять, что мы вышли на подготовку к серьезному террористическому акту.

– Террористические акты не бывают несерьезными, – возражает Сохно, сидя в кресле с руками, брошенными за голову. – Дело даже не в том, кто становится жертвой террористов – мужчины, женщины, дети... Для каждого отдельного человека акт против него или против его близких – самый серьезный, и поэтому я категорично против всякой дележки терактов на категории...

– Я, наверное, соглашусь с товарищем подполковником Сохно, – сохраняет Александр деловой тон, – но даже при несогласии спорить я не желаю. Нам сейчас необходимо срочно идентифицировать фотографии, принесенные подполковником Афанасьевым.

Кордебалет молча выкладывает на стол дискету. Доктор Смерть, выселивший Тобако из своего рабочего кресла, тут же вставляет дискету в компьютер, открывает программу для работы с изображениями и начинает обрабатывать принесенный материал.

– Как ни странно, – Доктор за работой привычно басит, – но мелкие фотографии с документов при распечатке чаще получаются более узнаваемыми, чем обычные большие любительские фотографии... По крайней мере, эти хоть качественные, пусть и малохудожественные...

– А что дает это качество... – усмехается Кордебалет. – Я заскочил в фотографию по дороге в библиотеку... За пять минут мне сделали фотографии... Я себя, извините, не узнал... Я не такой, мне думается, урод в жизни, честное слово...

– Это тебе так кажется. Но компьютеру, проводящему идентификацию, наплевать на твое высокое собственное мнение. Он высчитывает длину твоего носа и форму морщинок, исследует форму родинок, бородавок и шрамов, переводит все это в цифровое значение, а потом ищет аналогичные цифровые значения в своей обширной памяти... Вот так... Я готов... Кого будем запрашивать?

– В первую очередь «Альфу», потом МВД, ГРУ и антитеррористов ООН... Рассылай сразу во все адреса... Для «Альфы» отдельно сделай пометку о срочности... Обычно они, имея такую пометку, отвечают через несколько минут...

– Нет проблем...

Доктор Смерть стучит по клавиатуре и завершает работу таким ударом по клавише «Enter», что клавиатура подпрыгивает и изображает испуганное желание свалиться со стола. Доктор движением ладони мешает ей это сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.